ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ «STALKER»!
СЕЗОН КАТАСТРОФ
Роман ГЛУШКОВ
ШТУРМ

Роман Анатольевич Глушков

Штурм

Серия «Сезон Катастроф»

Серия «Безликий», книга 5

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8345147
Глушков, Роман Анатольевич. Штурм: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-75565-3

Аннотация

Сезон катастроф продолжается!

Много чего повидал на своем веку бывший шпион и дезертир Константин «Кальтер» Куприянов. Однако брать штурмом гигантские крепости ему до сих пор не приходилось. На этой арене Игра на Выживание идет по особым, кровавым правилам. Чтобы уцелеть в непрекращающейся бойне, нужно разгадать все загадки и отыскать выход. Вот только проделать такое в одиночку совершенно нереально. А значит, Кальтеру придется волей-неволей найти общий язык с ожившими мертвецами. И отправиться вместе с ними на битву, которая решит для него исход всей Игры…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 17
Глава 5 22
Глава 6 26
Глава 7 30
Глава 8 34
Глава 9 39
Глава 10 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Роман Глушков
Штурм

Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, нельзя было бы вести ни одной войны.
Фридрих Великий

© Глушков Р., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Зона № …

Место действия: предположительно Шотландия, Хайленд, северное побережье.

Время действия: неизвестно.

Глава 1

Похолодало настолько стремительно, что от неожиданности Константин Куприянов, он же Кальтер, даже остановил катер и заглушил двигатель. Хотя мог бы этого и не делать. В тумане, сквозь который он плыл, хоть стой, хоть двигайся – все едино. Густая белая мгла не позволяла ему видеть дальше носа угнанного им суденышка. А с приходом холода видимость лишь ухудшилась, поскольку сразу же запотели стекла рубки. После чего Кальтер и вовсе ощутил себя так, словно ему накинули на глаза белый шерстяной шарф, сквозь который он еще мог разглядеть штурвал и подсвеченную приборную панель, но не более того.

Столь резкое и сильное падение температуры на экваториальной широте было совершенно ненормальным. Поэтому он решил сначала попробовать разобраться, что стряслось. И лишь затем продолжить свой путь на север, к Хива-Оа – крупнейшему острову Маркизских островов, входивших в состав Французской Полинезии.

Холод был вполне терпимым – устремившаяся вниз стрелка термометра вскоре остановилась на отметке «плюс два по Цельсию». Но учитывая, что до этого она держалась на отметке «плюс двадцать семь», перепад температуры выдался катастрофическим. При таких ее колебаниях обычно возникают штормы, ураганы и иные атмосферные волнения. Однако Кальтер ощущал сейчас только легкое дуновение ветра, который даже не мог разогнать туман и поднять на море серьезную волну.

– Пропади ты пропадом! – Кальтер выдохнул изо рта облачко морозного пара и зябко поежился. На нем был армейский гидрокостюм – неплохая защита от холода, из-за которого туманная влажность уже не освежала, как раньше, а вызывала неприятные ощущения. И все же гидрокостюм не сможет долго согревать, а другой теплой одежды у Кальтера не было.

Сначала похолодание даже обрадовало его. В тюрьме на атолле Татакото, откуда он вчера сбежал, ему целый год и днем и ночью приходилось страдать от нестерпимой жары. Но радость беглеца продлилась недолго. Поскольку, когда он погрузил руку в воду за бортом и понял, что она остыла так же быстро, как воздух, стало очевидно: это уже другой океан. Или, вероятно, не океан, а море, но в любом случае оно находилось в иных широтах. Более южных, если Куприянов все еще не покинул Южное полушарие планеты. Либо северных, если нелегкая перенесла его через экватор и зашвырнула в направлении Арктики.

Куда именно зашвырнула? Хороший вопрос, беря во внимание, насколько обширна та часть поверхности Земли, что покрыта водой…

Все электронные навигационные приборы и средства связи Куприянов, уходя от погони, выбросил за борт. Не хотел, чтобы военные засекли по ним свой угнанный катер с помощью спутника. Но обычный компас и бумажные карты, разумеется, остались. Правда, от последних в густом тумане не было проку, чего нельзя сказать о компасе. Он, так же как термометр, мог дать беглецу полезную информацию – указать, каким курсом он плывет: прежним или уже другим.

Если верить компасной стрелке – а у Кальтера не было оснований ей не верить, – то сейчас он плыл в обратном направлении – на юг. Конечно, в тумане он мог и отклониться от маршрута, но не настолько. Тем более что вплоть до самого похолодания тщательно следил за приборами. В том числе за имеющимся у него пакалем, который он нашел в тюрьме на Татакото и который помог ему оттуда сбежать. Пакаль тоже мог служить индикатором начавшейся вокруг Кальтера аномальной активности. Одно плохо: подаваемые им сигналы требовали дополнительной расшифровки. Что не всегда удавалось сделать правильно или вовремя.

Единственной странностью, что наблюдалась за артефактом с той поры, как преследуемый вертолетами катер нырнул в туман, являлось багровое свечение. Оно исходило из пакаля

и пробивалось наружу через линии нанесенного на него рисунка, а также через абстрактные линии на его обратной стороне. Вдобавок к этому сам пакаль нагрелся примерно до температуры кипения воды, и в пропитанном влагой воздухе от него шел пар.

Мог ли он отклонить стрелку компаса? В принципе да. Но Кальтер так не считал, поскольку она сбилась значительно позже, чем артефакт нагрелся и начал испускать свет. Версия с переброской катера в другие широты казалась ему намного вероятнее. Тем более что природа туманного облака, в котором он скрылся, также была явно непростой. Кальтер почти не сомневался, что в течение последней четверти часа он двигался по очередной аномальной зоне, и был готов к сюрпризам. В том числе и к таким. Однажды «серые» уже перебросили его в другое полушарие планеты, а значит, с той же легкостью они могли зашвырнуть его куда-нибудь еще. Разве что нынешнее перемещение он пережил без потери сознания и иных неприятных побочных эффектов. И его высокотехнологичный железный протез оставался при нем – для однорукого калеки это тоже было крайне немаловажно.

Впрочем, было в этих метаморфозах и кое-что хорошее. Неизвестно, что ожидало Кальтера впереди, но враги, от которых он вот уже сутки удирал по морю, от него отстали. По крайней мере, он не слышал над головой шум вертолетных винтов и не видел лучи обшаривающих туман прожекторов. Заглушив двигатель, Куприянов очутился в тишине, нарушаемой лишь плеском волн и их ударами в бортовую обшивку. Больше – ничего. Хотя в обычной ситуации вертолетчики не свернули бы поиски так быстро. И летали бы в эти минуты по-над туманным облаком, стараясь обнаружить в нем беглеца с помощью инфракрасных сканеров.

Судя по всему, враги Кальтера не переместились вслед за ним в эти холодные воды. Но что ему делать дальше? Разворачиваться и снова брать курс на север? Или плыть туда, куда был нацелен сейчас нос катера? Последнее вполне могло являться намеком «серых» на то, в каком направлении надо теперь искать ближайшую сушу. С другой стороны, если Куприянов ошибся и продолжал находиться в водах Французской Полинезии – что бы их там ни остудило, – то, плывя на юг, он отправится прямо навстречу врагам. И вскоре выплывет из тумана, после чего они его моментально засекут и уже вряд ли упустят.

И все-таки версия с намеком показалась Кальтеру более убедительной. Странный туман, засветившийся пакаль, резкое похолодание – уже могли считаться работой «серых». Еще один к этому списку – и получится целая инструкция к действию, отступать от которой без веской причины будет неразумно. По крайней мере, до той поры, пока не развеется туман и мореплаватель не сориентируется в пространстве.

Однако едва Кальтер собрался вновь запустить двигатель, как вдруг неподалеку раздался шум. Это был всплеск, но такой мощный, как будто в полусотне метров от катера всплыла подводная лодка или гигантский кит. Куприянову даже показалось, что он разглядел в тумане по правому борту зловещую тень, хотя это могла быть всего-навсего игра его воображения. Зато шум ему точно не померещился. Шум полностью заглушил собою плеск волн, а также голос Кальтера, который от неожиданности выругался и не сумел расслышать сам себя.

Смекнув, что должно случиться затем, Кальтер ухватился за поручень. И вовремя! Первая поднятая неведомым исполином волна ударилась в борт катера через несколько секунд. А последующие раскачали его, словно при шторме баллов этак в пять или шесть. Всего же волн прокатилось не меньше дюжины, и Куприянов сделал вывод, что вынырнувшее нечто не задержалось на поверхности, а сразу ушло обратно под воду. Останься оно на плаву, волнение улеглось бы быстрее. Так что, выходит, его испугал все-таки кит, а не субмарина, поскольку субмарины неспособны на такие быстрые погружения.

– Только тебя мне не хватало для полного счастья! – проворчал Кальтер, убирая руку от кнопки запуска двигателя. С отправлением в дальнейший путь пришлось повременить. Ему не хотелось ненароком ударить килем или зацепить винтом резвящегося поблизости гиганта.

Почувствовав боль, тот мог наброситься в ярости на катер и потопить его. Разумнее будет дождаться, когда кит отплывет подальше, и уже потом предпринимать какие-либо действия.

Определить, далеко ли он убрался, можно было лишь по шуму. Если, конечно, кит снова вынырнет на поверхность где-нибудь неподалеку. Ну а если не вынырнет, тоже не беда. Минут за десять он в любом случае удалится на безопасное расстояние, а к плывущему катеру он уже не сунется. Вряд ли сегодня в океане есть взрослые киты, которым не знаком шум корабельных винтов. И которые стали бы приближаться к движущемуся судну, не важно с какими намерениями – дружескими или агрессивными.

Кальтер отошел от штурвала и обратился в слух. Однако новый шум, который вскоре раздался, был донельзя странным. Он звучал низко и приглушенно, поскольку, судя по всему, доносился из-под воды. Но сила его была такой, что от него завибрировала палуба, а у Куприянова по коже пробежали мурашки и зашевелились волосы на голове.

Помня, что пение китов звучит иначе и явно не обладает такой мощью, чтобы сотрясать океан, Кальтер насторожился. Не факт, что этот гул издавала плавучая громадина. Возможно, это были лишь отголоски идущих на дне, геологических или тектонических процессов. Но, поскольку он услышал их сразу же за зловещим плеском, он был почти уверен, что эти два шума связаны напрямую.

Гул, в котором можно было расслышать и тоскливый вой, и унылый стон, длился где-то полминуты. После чего затих и он, но спокойствие к Кальтеру уже не вернулось. Под водой творилось что-то странное, и он понятия не имел, к чему ему надо готовиться. А вскоре вода за бортом забурлила и стала выталкивать катер вверх. Так, словно под ним образовалось сильное вертикальное течение, и Куприянов со своей посудиной оказался аккурат на вершине этого водяного столба.

Извержение подводного вулкана! Ну конечно! Что еще кроме него могло выгнать на поверхность кита, издавать зловещий гул и породить это бурление? Кальтеру требовалось срочно уплывать отсюда, пока из глубины не вырвались паровые гейзеры и не сварили его заживо. Одно непонятно: конвекционный поток такой силы должен был выносить на поверхность океана много тепла, но ничего подобного и близко не ощущалось. Бурлящая вода оставалась такой же холодной и ничем не пахла. Хотя вулканические газы уж точно воняли бы так, что Куприянов это моментально учуял бы.

Он бросился назад к пульту управления, но в итоге опять-таки не завел мотор. На сей раз – потому что не успел дотянуться до кнопки из-за сильной качки, сбившей его с ног. А когда он до нее все же дотянулся, в этом больше не было необходимости. Катер в этот момент уже находился не в воде, а взлетел высоко над ее поверхностью.

В первые мгновения Кальтеру почудилось, что одновременно с правого и левого борта выросло по остроконечной скале, каждая – высотой в три человеческих роста. И лишь когда он поднялся на ноги, то определил, что это вовсе не скалы, а… две огромные челюсти, усеянные столь же огромными зубами! Их обладатель не просто схватил и поднял катер – он еще и сжимал челюсти, явно собираясь перекусить стальную посудину пополам. Что, вне всяких сомнений, было ему по силам – буквально на глазах катер сминался посередине, словно угодив под гидравлический пресс.

Будь это не военный катер, а обычный, гражданский, исполинская пасть разделалась бы с ним в мгновение ока. Но мощные шпангоуты и бронированная обшивка превращали его в крепкий орешек даже для такого чудовища, о чьих истинных размерах Куприянов мог лишь догадываться. Мог, если бы имел на это время. Но он живо смекнул, что когда пасть захлопнется, то он очутится прямо в ней. Причем вместе со сплющенной рубкой. И потому он принял единственно верное решение: выбежать из западни и прыгнуть за борт. Что бы ни угрожало Кальтеру в воде, здесь ему точно не выжить. Да и о «жеваном» катере отныне

можно забыть. Даже если левиафан передумает и выплюнет его, он уже никуда не уплывет, а сразу пойдет ко дну.

Схватив железной рукой пакаль, Куприянов выбежал из рубки, прошмыгнул в просвет между сжимающимися челюстями и, перемахнув через фальшборт, прыгнул в воду. После чего, не оглядываясь, стал отчаянно грести руками, взяв курс на юг – туда, где с наибольшей для него вероятностью располагался берег. А позади него ворочалась в воде туша такой величины, что для ее насыщения понадобился бы как минимум кит средних размеров, а не один-единственный человек.

На что, собственно, Кальтер и рассчитывал. Двенадцатиметровый катер еще мог считаться для чудовища достойным охотничьим трофеем. Но удравшего с катера человека оно могло запросто не заметить во взбаламученной воде, которая взбаламутилась еще сильнее, когда гигант не смог удержать в пасти добычу и, выронив ее, стал терзать катер уже на поверхности воды. При этом он крутился и извивался вокруг катера так, что сам нехотя помог пытающемуся спастись человеку. Поднятые монстром волны подхватили Кальтера и понесли его прочь от эпицентра этого катаклизма. Все, что ему надо было делать, это продолжать плыть и стараться не захлебнуться всякий раз, когда на него сзади накатывала очередная волна.

Как далеко он удрал вплавь с таким нечаянным ускорением, ему было невдомек. Но когда Кальтер, пересилив страх, наконец-то осмелился оглянуться, исполин был уже скрыт от него туманной пеленой. Судя по шуму, он все еще развлекался с обломками катера. Правда, уже не так активно – видимо, устал и понял, что добыча оказалась несъедобной, – но азарт в нем еще не остыл. Вот и хорошо. Пускай себе резвится, и чем дольше, тем лучше для лишившегося судна морехода.

Прежде чем этот «затейник» угомонится, Куприянов отплывет от него еще дальше. И будет плыть до тех пор, пока не выбьется из сил, не замерзнет и не утонет. Или пока его не сожрет другой монстр, который увидит в нем подходящую добычу. Ведь там, где водятся подобные колоссы, должны наверняка водиться и их зубастые собратья помельче.

На одно лишь не рассчитывал теперь Куприянов – на то, что он сумеет добраться до суши. После всего того, что с ним только что стряслось, это стало казаться совершенно невыполнимой задачей…

Глава 2

Кальтер не мог определить, плывет ли он по-прежнему на юг или течение уже отнесло его в другую сторону. Силы и желание бороться за жизнь еще не покинули его. Но, не наблюдая в тумане ориентиров, он почти не сомневался, что сбился с пути. Или, что также не исключалось, плывет вдоль берега вместо того, чтобы плыть к нему. А проклятый туман и не думал рассеиваться, чтобы дать Кальтеру мизерную надежду хотя бы в виде точки на горизонте. Такой, на которую он мог бы взять курс и стремиться к ней так долго, как это у него получится.

Армейский нож и фляжка с пресной водой – вот и все, что кроме пакаля Кальтер успел забрать с гибнувшего катера. Вернее, он их даже не забирал – когда он прыгнул за борт, фляжка с ножом были прицеплены к его поясу. Артефакт тоже находился сейчас в одном из поясных карманов. В холодной воде он не обжигал своего хозяина, но тот все время ощущал источаемое им тепло. Которое пусть немного, но согревало пловца в этом почти безнадежном плавании.

Питьевой воды было мало. Поэтому ее следовало экономить, хотя Куприянов и не был уверен, что доживет до той поры, когда фляжка опустеет. Но даже если случится чудо и он достигнет берега, там запросто могла оказаться безводная пустыня, где каждый глоток воды также будет на вес золота. Правда, судя по туману, на ближайшей предполагаемой суше должно быть довольно влажно, и от жажды там вряд ли умрешь. Другое дело, годилась ли тамошняя вода для питья, но этот вопрос был сейчас неактуален, и Кальтер не забивал им голову.

Несколько раз неподалеку от него раздавались подозрительные всплески, но желающих полакомиться им хищников пока не находилось. Откуда они здесь взялись, было очевидно. Так же как те твари, что атаковали тюрьму, где сидел Кальтер, эти, вне всякого сомнения, выплыли в наш мир из черного разлома. Разве что таких исполинов на атолле Татакото точно не было. Впрочем, Куприянов давно привык к сюрпризам коварных «серых», и потому его уже ничего не удивляло…

…Так ему казалось ровно до того момента, как фортуна подбросила ему новый сюрприз. Решив сделать очередную передышку, он прекратил грести и хотел прислушаться к доносящимся из тумана звукам. Но едва Кальтер расслабил конечности и принял в воде вертикальное положение, как его ноги уперлись во что-то твердое. Потоптавшись босыми ступнями по этой неровной опоре, он понял, что стоит на обычном каменистом дне. Причем стоит довольно уверенно и глубина в этом месте была ему всего-навсего по грудь.

В общем, Куприянов был вынужден признать, что ошибся, полагая, будто разучился удивляться. Он не удивился бы, если бы его взялся пожирать один из здешних монстров. А вот возникшее у него под ногами дно стало для него подлинной неожиданностью. И оттого приятно было осознавать, что, несмотря на все пережитые невзгоды, он выбрал правильный курс и не сбился с него.

То, что Кальтер не сбился и не выплыл вместо побережья на обычную мель, – это точно. Шум, долетевший до его ушей, когда он встал на дно и прислушался, был определенно далеким шумом прибоя. А раз так, значит, теперь Куприянов мог просто двигаться туда, куда бежали волны, и они вскорости приведут его к берегу. Плевое дело! И пусть угроза стать закуской для морского чудища все еще не миновала, теперь он знал, от чего точно не умрет: от изнеможения и переохлаждения. Имея под ногами опору, он добредет до берега даже в полубессознательном состоянии. А сейчас он, напротив, чувствовал себя гораздо бодрее, чем еще пять минут назад, ведь близость цели пробудила в нем второе дыхание и придала новые силы.

За те полчаса, что Куприянов преодолевал финишную прямую своего водного путешествия, дно несколько раз уходило у него из-под ног. К счастью, это были лишь обычные ямы, которые его уже не беспокоили. Он слышал, как шум прибоя усиливается, и был уверен, что это не иллюзия. Навстречу ему все чаще стал попадаться плавучий мусор, на который он прежде не натыкался. И который наверняка был смыт волнами с пока невидимого берега.

В основном это были обточенные прибоем куски дерева: небольшие коряги и обломки досок. Последние свидетельствовали о том, что скрытое в тумане побережье может оказаться не диким, а обитаемым. Хорошо это или, наоборот, плохо – станет ясно, когда Кальтер увидит его обитателей. В данный момент он мог сказать о них лишь то, что они используют для строительства странные гвозди. В одной из досок торчали сразу два таких гвоздя. Оба имели клиновидную форму и, по всем признакам, были выкованы вручную. А, впрочем, что тут странного? Просто шторм разрушил на берегу какой-то очень старый сарай или пирс, чьи обломки и болтались сейчас в прибрежных водах.

Гораздо любопытнее гвоздей выглядела тряпка, которую Кальтер тоже вскоре выловил из воды. Это был обрывок бурого полотнища, что некогда являлось не то флагом, не то вымпелом. На нем осталась часть рисунка – когтистая лапа какого-то зверя; предположительно – льва. И рисунок, и сама тряпка выглядели довольно грубыми и тоже походили на самодельные. Ни на какие догадки они Кальтера не навели, но он не отбросил эту находку, как предыдущую, а заткнул ее за пояс – авось еще пригодится.

Впрочем, пройдя еще немного, Куприянов перестал обращать внимание на плавучий мусор, потому что в тумане наконец-то проступили очертания долгожданного берега.

Туман как будто отдал должное настойчивости Кальтера и начал отступать, малопомалу увеличивая ему радиус обзора. И когда он добрел-таки до линии прибоя, то уже мог разглядеть местность, куда его вновь занесла нелегкая.

Сразу за неширокой и относительно ровной полоской берега начинались каменистые холмы. За которыми примерно в километре от побережья высились горы. Довольно крутые – их склоны изобиловали отвесными обрывами и узкими расщелинами. Слева, примерно в полукилометре от Кальтера, в море впадала бурная река, что стекала с гор и затем петляла между холмов. Возможно, это она выносила в море весь замеченный пловцом мусор, поскольку сам берег выглядел безжизненным.

Куприянов не видел в округе ни строений, ни дорог, ни сельскохозяйственных угодий, хотя, имейся они здесь, туман уже позволил бы их рассмотреть. Кое-где на холмах росли мох, трава и невысокий кустарник. Кроме них на пологих участках горных склонов также виднелись деревья, среди которых преобладали сосны и ели. Вершины самых высоких гор были покрыты снеговыми шапками. Даже в тумане пейзаж впечатлял своей суровой нордической красотой, а в погожий солнечный день он наверняка выглядел еще живописнее.

Ну что ж, пришла пора делать первые приблизительные выводы. Это совершенно точно были не Маркизские острова, на которые обрушился аномальный холод. Кальтер никогда не бывал в Норвегии или на Аляске, но прежде всего подумал именно о них. Хотя, конечно, на самом деле подобный ландшафт можно встретить не только там, но и во многих других частях света. В том числе и в Южном полушарии – где-нибудь в Новой Зеландии или на юге Чили. Но теперь беглому зэку хотя бы стало ясно, что он находится очень далеко от своей тюрьмы и здесь его вряд ли станут искать. По крайней мере, в обозримом будущем.

Прибой был напористым и сильным, но Кальтер подгадал момент и пересек его линию, не получив ссадин и ушибов. После чего выбрался на каменистый берег, отошел подальше от воды и, отыскав пятачок сухой травы, уселся на него, чтобы перевести дух. А также поразмыслить, как дальше быть с пакалем.

В холодной воде пакаль не доставлял неприятностей, напротив, даже согревал пловцу спину. Но теперь носить его в поясном кармане стало неудобно – так ведь можно и ожог

заработать. А если привязать его к протезу? Опять не вариант. Протез – металлический и вскоре нагреется от неостывающего артефакта, что тоже вряд ли понравится инвалиду. Оставить пакаль на берегу, припрятав под каким-нибудь камнем, тоже казалось плохой идеей. Он когда угодно понадобится Кальтеру, и ему не хотелось бы в случае угрозы бежать обратно на берег к своему тайнику. Причем ему еще повезет, если за ним в этот момент никто не будет гнаться.

Пакаль всегда должен быть у него под рукой, тут и думать нечего. Для чего он, в общем-то, и прихватил с собой найденную в море тряпку. Из нее он соорудит узелок, куда и поместит драгоценную железку, пока не раздобудет более удобное средство для ее переноски. Благо весу в ней было не больше, чем в портсигаре, и она не оттянет руку, даже если ему придется нести ее сутками напролет…

Итак, вот она, желанная суша! Не слишком гостеприимная, но лучше ходить по такой, чем плавать по морю, где тебя может сожрать крокодил величиной с атомную субмарину. Осталось лишь определиться, в какую сторону идти. Перед Кальтером, как перед витязем на распутье с картины Васнецова, тоже лежали сейчас три дороги. Вот только пророческого камня-указателя здесь не было. Хотя оно и к лучшему. Без камня ничто не мешало ему выбрать любую приглянувшуюся дорогу, не терзаясь при этом предательскими сомнениями. Отринуть их напрочь тоже не удавалось, но при слепом выборе они для любого из вариантов выглядели одинаково.

Кальтер мог отправиться в обе стороны вдоль побережья или пойти берегом реки по направлению к горам. В каком из вариантов он скорее всего достигнет ближайшего населенного пункта или хотя бы ведущей к нему дороги, неизвестно. Но выбирать иной маршрут было неразумно. Во все времена люди предпочитали селиться вблизи морей и рек, а значит, там и надо перво-наперво искать их города и деревни.

Впрочем, Кальтер чуял, что здесь, в глуши, ему придется отмахать немалое расстояние, прежде чем он наткнется на человеческое жилье. А вдобавок к его бедам у него отсутствовала обувь. Это было не столь критично при ходьбе по сухой траве, но не по каменистому морском берегу. И по берегу реки – тоже. Однако на холмах все-таки росли мох и трава, и потому этот путь виделся босоногому скитальцу наиболее привлекательным.

Распутье… Куприянов кисло усмехнулся. Ему привалила воистину немыслимая свобода, учитывая то, откуда он вчера дал деру. Что будет дальше, неизвестно, но распоряжаться этим подарком «серых» требовалось крайне осмотрительно. И надо постараться воспользоваться всеми его преимуществами до того, как «серые» вновь загонят его в отчаянное положение. А это могло случиться практически в любую минуту…

Глава 3

Кальтер все еще пребывал в раздумье, куда ему отправиться, когда один из аборигенов, которых он собирался искать, сам объявился на берегу.

Это был всадник в странном облачении и с длинной палкой в руках. Он скакал вдоль кромки прибоя с непонятной, на первый взгляд, целью. Его палка была слишком толстой для обычной удочки или гарпуна и больше походила э-э-э… на копье? Да и облачение всадника являлось не чем иным, как доспехами. Не слишком тяжелыми, но явно несовременными. В смысле, они выглядели несовременными, хотя, конечно, на самом деле их изготовили не в Средневековье, а в наши дни.

За спиной у кавалериста висел большой полуовальный щит (Куприянов понятия не имел, как тот грамотно называется). На лошади также имелась защита – кожаный нагрудник и замызганная попона, – что лишь усиливало сходство всадника с конным рыцарем, не закованным в броню латником, а скорее бойцом легкой кавалерии. Но теперь, когда Кальтер рассмотрел его получше, принять его за кого-то другого было нельзя.

Всадник выскочил на берег перед Кальтером из-за высокой прибрежной скалы. Она, а также шум прибоя позволили всаднику подскакать сюда незамеченным, отчего Куприянов оказался застигнутым врасплох. Он и рыцарь увидели друг друга практически одновременно, так что убегать и прятаться было поздно. Да и зачем? Разве этот артист, что, без сомнения, участвовал в каком-то местном карнавале или историческом шоу, был для него врагом? Напротив, Кальтер и сам не откажется посетить этот праздник. Где его как жертву кораблекрушения наверняка накормят, напоят, а также дадут ему теплую одежду и обувь. Пусть даже такую несуразную, как на ногах этого рыцаря, но он будет благодарен аборигенам и за это.

При виде незнакомца всадник осадил коня так резко, что тот заржал и встал на дыбы. Оно и понятно – в этой глуши невольно вздрогнешь, наткнувшись случайно на любого человека. А незнакомца в гидрокостюме и с железным протезом руки испугаешься подавно.

Желая продемонстрировать свои миролюбивые намерения, Кальтер неторопливо встал, помахал рыцарю рукой и прокричал по-английски:

– Доброе утро, сэр! Извините, если я вас напугал! Уверяю вас, я не преступник и не браконьер! Я всего лишь обычный турист! Просто мой катер утонул в миле от берега, и мне хотелось бы…

Он не договорил, чего именно ему хотелось. Всадник указал на него копьем и заорал в ответ на непонятном языке что-то очень грозное. Вернее, на частично понятном языке, поскольку в нем слышались вроде бы знакомые английские слова. Но их было слишком мало, чтобы понять смысл этой речи, которая к тому же имела весьма странный акцент. И на норвежский язык она не походила; хоть Кальтер им и не владел, но имел представление, как тот звучит.

Впрочем, самую суть Куприянов все-таки уловил: всадник отказывался считать его другом. Что было крайне досадно, но все же не смертельно, и гость вполне мог уважить мнение хозяина, убравшись с его глаз. Вот только оставить Кальтера в покое всадник тоже не захотел. Вместо того чтобы ускакать прочь, он взялся потрясать копьем, а затем пришпорил коня и, не прекращая браниться, устремился прямо на чужака.

– Эй-эй, полегче, сэр! – попытался Кальтер воззвать к его рассудку. – Попридержите вашу лошадь – она ведь меня затопчет! Эй, я к вам обращаюсь! Осторожнее, сэр, прошу вас!

Сей благоразумный призыв всадник также пропустил мимо ушей. И не только не сбавил ход, но еще и взял копье наперевес. Копейный наконечник был теперь нацелен точно

на Куприянова, и выглядела эта штуковина отнюдь не бутафорской, а достаточно тяжелой и острой.

– Какого хрена здесь творится?! – раздосадованно пробормотал под нос Кальтер. Он продолжал надеяться, что рыцарь намерен лишь его напугать и в последний момент отвернет в сторону. Только надежда эта, судя по всему, была напрасной. Проведший большую часть жизни на диверсионно-разведывательной службе, Константин Куприянов умел отличать настоящую агрессию от простой бравады. И сейчас на лице всадника было написано отнюдь не наигранное желание пронзить его копьем. Просто так, безо всяких разбирательств, которыми тот явно не собирался себя утруждать. Его решительность прикончить чужака граничила с одержимостью. Казалось, еще немного – и из его перекошенного, извергающего брань рта пойдет пена. Или же от злости его хватит апоплексический удар. И хорошо, если это случится прежде, чем он доскачет до своей жертвы, а не после того, как та окажется нанизанной на копье, словно куропатка на вертел.

Непонятно, чем Куприянов заслужил к себе столь враждебное отношение. Но топтаться на месте и взывать к рассудку чокнутого аборигена он больше не намеревался. Ему навязывали бой, и он принял вызов, пусть даже одолеть рыцаря будет нелегко. Судя по тому, как ловко тот управлял лошадью и манипулировал тяжелым копьем, это был не обычный любитель костюмированных парадов. Наметанный глаз Кальтера сразу определил, что у его нового противника имеется солидный опыт в джигитовке и фехтовании средневековым оружием. Которым он, не исключено, уже успел кого-нибудь прикончить – при таких вспышках немотивированной агрессии к незнакомым людям это было бы неудивительно.

– Ну и хрен с тобой! – процедил сквозь зубы Куприянов, не сводя взора со стремительно приближающегося всадника. И, сделав ложный выпад вправо, в следующий миг отскочил как можно дальше влево. Так, словно не воевал с конным рыцарем, а играл в баскетбол и финтил, обходя игрока команды противника.

Кальтер сорвался с места, когда до столкновения с врагом оставалась всего пара секунд. И завершил свой финт, выскочив практически из-под лошадиных копыт. Клюнувший на увертку всадник не успел так резко поменять курс и потому угодил копьем в пустоту. Однако, надо отдать должное его реакции, тут же вздыбил лошадь и развернул ее на месте, пока она балансировала на задних ногах.

Мастерский маневр, что ни говори! Рискни Кальтер в этот момент напасть на рыцаря со спины, он точно нарвался бы на удар передних лошадиных копыт. Но Кальтер уже понял, что имеет дело с опытным кавалеристом, и не стал бросаться на него очертя голову. Хорошо было бы просто задать от него деру, вот только затея эта была обречена на провал. Куприянов находился на голом, пологом склоне холма и в какую бы сторону ни побежал, противник настигнет его за считаные секунды. А до ближайших валунов, где тот уже не смог бы воевать верхом, было не меньше полутора сотен шагов. Значит, придется выкручиваться другим способом. И если кровожадный «айвенго» не угомонится, то ничего не поделаешь – сам напросился. На сей раз он выбрал себе далеко не беззубую жертву. И пусть у Кальтера отсутствовал опыт войны с такого рода противниками, он готовился постичь эту науку здесь и сейчас, буквально не сходя места.

Для повторной атаки всаднику было незачем набирать разгон. Направив лошадь рысцой на неробкого чужака, он вскинул копье к плечу и приготовился метнуть его в цель с короткой дистанции. В какую бы сторону жертва теперь ни шарахнулась, рыцарь приближался к ней с такой скоростью, что финты ее уже не спасут. Враг держал тяжелое с виду копье без особых усилий, и Кальтер мог лишь гадать, насколько быстро оно будет брошено и успеет ли он вовремя среагировать на этот выпад.

Прикинув так и этак, Куприянов встал точно напротив приближающейся лошади. И приготовился удерживать позицию, даже если враг сменит вектор атаки. Разумеется, тот

моментально раскусил хитрость чужака. Кальтер не пытался заслониться таким образом от броска, но, метая копье через лошадиную голову, рыцарю придется волей-неволей сначала привстать на стременах. Что и послужит для Кальтера предупредительным сигналом о начале атаки.

Однако аборигена это, похоже, ничуть не обеспокоило. Он не стал кружить вокруг жертвы, пытаясь сбить чужака с толку, а по-прежнему гнал лошадь по прямой – так, словно принимал навязываемое Куприяновым правило игры. «Хоть юли, хоть не юли – все равно никуда ты от меня не уйдешь!» – именно такой приговор читался в свирепом и одновременно высокомерном взоре рыцаря. Так же, не меняясь в лице, он чуть пришпорил лошадь, после чего с показной неторопливостью встал на стременах. И, когда между ним и чужаком оставалось полдесятка шагов, замахнулся копьем…

…Но так и не метнул его, потому что Кальтер нарушил все его прогнозы.

По мнению аборигена, чужак мог рвануть от него куда угодно, только не навстречу скачущей лошади. Потому что это было заведомое самоубийство, тогда как прочие финты давали жертве шанс увернуться от копья. Что успеет сделать чужак до того, как лошадь ударит его грудью и, сбив с ног, растопчет копытами? Ткнет в животное ножом? А смысл, если через миг оно так и так убьет или покалечит наглеца? Или его убьет мечом всадник, если он ухитрится не попасть под копыта, повиснув на лошадиной шее.

Тем не менее как раз такой маневр Кальтер и предпринял. Он бросился со всего духу вперед и ухватился обеими руками за шею лошади за миг до того, как та сбила бы его наземь. В связи с чем рыцарь тут же отбросил копье и выхватил меч, намереваясь вонзить его чужаку в левый бок. Рыцарь мог проделать это быстро и без труда, ведь противник находился от него на расстоянии вытянутой руки и ничем не мог ему помешать.

…Так, по крайней мере, казалось всаднику. Но он просчитался – не принял во внимание, что одна рука противника была железной. И не знал, что этот протез – не декоративное украшение, а высокотехнологичный и многофункциональный инструмент. Который был создан специально для инвалидов – любителей скалолазания и мог выдерживать нагрузки, непосильные для обычной руки.

Держась правой рукой за гриву лошади, Кальтер отбил протезом вражеский меч, после чего ухватил его стальными пальцами прямо за клинок. Это явилось для рыцаря полнейшей неожиданностью. И он, намереваясь отобрать у противника свое оружие, рванул меч изо всех сил. Но тщетно – с тем же успехом он мог бы вырывать меч из накрепко зажатых, слесарных тисков. Смекнув, что зря теряет время, он быстро сменил тактику: выпустил меч, которым Кальтер все равно не смог бы сейчас воспользоваться, и выхватил из-за пояса длинный кинжал, которым и решил нанести удар по правой руке чужака – той, которой он вцепился в лошадиную гриву.

Однако всадник опоздал. Завладев мечом, его противник энергично качнулся вбок и отцепился от лошади. Благо после того, как он на ней повис, она замедлила ход, и Кальтер, упав на траву, совершенно не пострадал. Перекатившись через плечо, он вновь вскочил на ноги, еще до того как проскакавший мимо рыцарь развернул лошадь для новой атаки.

Врага не сильно беспокоило то, что он лишился копья и меча, ведь у него имелся при себе запасной арсенал. Из притороченного сзади к седлу чехла торчала рукоять еще одного меча. А также несколько рукоятей из дерева, на которые, возможно, были насажены топоры или булавы; чехол был вместительный, и в нем могло поместиться немало такого добра. Дабы успеть перевооружиться, прежде чем заполучивший меч чужак ринется в контратаку, всадник сначала отъехал от него на некоторое расстояние. И лишь затем обернулся, открыл свой колюще-режущий инвентарь и выбрал себе новое оружие.

Кальтер не стал догонять рыцаря, чтобы попытаться напасть на него, пока тот был безоружным – все равно не успел бы, – а предпочел остаться на месте и осмотреть свой тро-

фей. Меч был одноручным и явно не сувенирным – изрядно потертый, грубый и тяжелый. Но в то же время достаточно острый для того, чтобы наносить им смертельные раны. Проблема в том, что в разведшколе, которую двадцать с лишним лет назад прошел Куприянов, его не обучали фехтовать настолько архаичным холодным оружием. И если дело дойдет до поединка на мечах, ему придется несладко. А уж рыцарь, кто бы сомневался, обучен этой науке не хуже, чем верховой езде и обращению с копьем.

Не мудрствуя лукаво враг из всего своего арсенала опять выбрал меч. Однако, когда он снова приготовился к схватке, чужак, воткнув свой меч в землю, уже держал в руках копье. То самое, которое рыцарь был вынужден отбросить во время предыдущей атаки.

Эта штуковина придавала Кальтеру гораздо больше уверенности. В отличие от меча, владение ею не требовало особого мастерства. Все, что нужно сделать новоиспеченному копейщику, это упереть древко своего оружия в землю, а его наконечник развернуть навстречу скачущему всаднику. И если тот не хочет, чтобы его лошадь или он сам напоролись на копье, он трижды подумает, а стоит ли ему так рисковать.

Всадник определенно дорожил своей лошадью, так как решил повременить с очередной атакой. Не иначе он наконец-то увидел в незнакомце более серьезного противника, нежели предполагал поначалу. И потому, немного поразмыслив, изменил тактику: спешился, снял со спины щит, надел его на левую руку, а в правую взял запасной меч. Затем уверенной походкой пошагал к выставившему перед собой копье Кальтеру.

Надетая на рыцаря амуниция вкупе с оружием весили немало, но его походка была упругой и легкой. Уже по одним движениям противника можно было определить, что против Куприянова вышел матерый рубака. Такой, который всю жизнь провел в седле и на поле брани. Это был не просто тренированный любитель постановочных реконструкций Средневековья или ролевых игр. Чем дальше, тем больше Кальтер приходил к мысли, что ему бросил вызов самый настоящий воин той эпохи, в которой носили такие доспехи и оружие. Жаль, Кальтер был профаном в подобных исторических вопросах и не мог определить, откуда сюда занесло этого всадника вместе с лошадью. Судя по его речи, он мог быть английским рыцарем, к примеру, времен Столетней войны. Или войны Алой и Белой розы… Что там, кстати, изображено у него на щите?

Только теперь Кальтер сумел рассмотреть щит, который все это время висел у врага за спиной. Действительно, выцветший и потертый рисунок на нем напоминал раскрывшийся бутон белой розы. А может, это был какой-то другой цветок. Или даже не цветок, а абстрактный узор. Какая разница – разве для Куприянова это имело значение?

Хотя нет, кое-что на картине сумело-таки вызвать у него неподдельный интерес, даже несмотря на то что ему угрожала смерть. Прямо в центре нарисованного цветка находилась фигура, которая плохо вписывалась в этот рисунок. Во-первых, потому что она была квадратной формы, тогда как все линии на изображении обладали плавными изгибами. А во-вторых, эта эклектичная деталь оказалась на поверку и вовсе не нарисованной, а настоящей и наклеенной поверх щита. Но гораздо любопытнее было то, что такая же вещица имелась и у Кальтера! Разве что цвет у нее был иной – красный, а не белый, – и Кальтер не использовал ее в качестве украшения.

Пакаль!

Рыцарь наступал на чужака, прикрывшись щитом, к которому был прикреплен белый пакаль. Вы только гляньте, какой выдумщик! В то время как все известные Куприянову искатели артефактов прятали свои находки, чтобы их не обнаружили сканеры конкурентов, этот «квестер» выставлял свою добычу напоказ, никого не страшась.

Неизвестно, была ли в его идее хоть какая-то практическая польза. Но если он и впрямь открыл у пакаля некое полезное свойство, Кальтеру следовало быть предельно бдительным. Такой «заколдованный» щит мог таить в себе массу неприятных сюрпризов. Причем как

для врага, так и для своего владельца, если тому не повезет укротить сокрытую в пакале аномальную энергию.

Кальтер насторожился, ожидая от «пакаленосца» любой неприятности. Однако к следующему сюрпризу, который тот ему преподнес, он опять оказался не готов. Едва Кальтер смог разглядеть пакальный рисунок, так сразу же выяснилась новая удивительная подробность: на артефакте была изображена держащая кинжал рука в железной перчатке. Она походила и на деталь рыцарского доспеха, и на протез, что носил вместо левого предплечья Куприянов. Причем на протез она походила даже больше.

Но самое интересное заключалось в другом. Это был именно тот самый артефакт, который Кальтер когда-то раздобыл в Дубае. И который затем был передан «серыми» Грязному Ироду. А спустя три месяца Грязный Ирод вернул его Кальтеру в Скважинске. Затем, чтобы его в итоге отобрали у Кальтера охранники тюрьмы на Татакото. Как распорядились они этим пакалем в дальнейшем, уже неизвестно, но, скорее всего, он был продан ими на черном рынке. Ну а то, что беглый зэк вновь встретил этот артефакт, было целиком и полностью заслугой «серых». Они продолжали изгаляться над Кальтером всеми мыслимыми и немыслимыми способами, и он понятия не имел, наступит ли когда-нибудь конец его злоключениям…

Глава 4

– Этот пакаль – мой! – заявил Кальтер по-английски и указал на вражеский щит. Придумать что-то пооригинальнее он не смог, но и промолчать – тоже. Как знать, возможно, рыцарь выставил пакаль на всеобщее обозрение, потому что исполнял возложенную на него «серыми» почетную миссию – искал хозяина сего «священного грааля»… Дурацкая теория. Но почему бы не проверить и ее, пока здесь не пролилась кровь?

– О, пэйкэль! – воскликнул рыцарь, уловив ключевое слово, которое было ему явно знакомо. После чего трижды стукнул плашмя мечом по щиту и произнес короткую яростную отповедь, смысл которой в целом дошел до Куприянова и мог уложиться всего в два слова: «Попробуй забери!»

Что ж, вот и объяснились…

А хотя чему тут удивляться? Само собой, что эта встреча была неслучайной. Два владельца пакалей сошлись лицом к лицу, а по завершении их схватки у кого-то из них станет на один артефакт больше, а другой отправится на корм червям… Или, точнее, воронам и падальщикам – вряд ли рыцарь станет утруждать себя копанием для Кальтера могилы. Так же как он не собирался оказывать врагу такую почесть. Тем более что тот вдобавок первым на него напал.

Кальтер еще мог отбиться копьем от не слишком маневренного всадника. Но против опытного мечника-пехотинца эта толстая палка с тяжелым наконечником ему не поможет. Все его неуклюжие выпады рыцарь легко парирует щитом. После чего проведет стремительную контратаку и даст чужаку полюбоваться на его же собственные выпущенные кишки. Да и мечом Куприянову в этом бою много не навоевать. А вот с ножом – привычным оружием бывшего диверсанта, – возможно, что-то получится. Надо лишь подобраться к рыцарю на расстояние удара, ну а брешь в его легких доспехах Кальтер быстро отыщет.

Этого рубаку на мякине не провести. Но и сам Куприянов в вопросах коварства не одну собаку съел. И мог пустить пыль в глаза даже такому матерому врагу. Не став бросать раньше времени копье, Кальтер взял его наперевес и тоже испустил воинственный клич, состоявший вперемешку из английской и русской брани. А потом, продолжая орать, бросился на противника в лобовую атаку…

…То есть противник должен был так думать. В действительности это была вовсе не атака, а лишь ее имитация. Но имитация столь энергичная, что проигнорировать ее мечник не мог, а иначе Кальтер попросту сбил бы его с ног.

Контрудар щитом, которым рыцарь отразил тяжелое копье, был столь мощным, что оно, вылетев у Куприянова из рук, было отброшено далеко в сторону. И если бы копейщик сам не выпустил древко за миг до удара, оно точно вывернуло бы ему пальцы или кисти рук.

Впрочем, Кальтер избавился от громоздкого оружия по иной причине. Когда отбитое копье полетело влево, Кальтер сразу же метнулся вправо, на ходу выхватывая нож из ножен. Ему требовалось воспользоваться моментом, пока блокировавший атаку вражеский щит был направлен не прямо, а в сторону, и обойти рыцаря сбоку. Его левый фланг будет открыт лишь мгновение, но если Куприянов не оплошает, он успеет поразить врага ножом.

Ухватившись протезом за край щита, Кальтер придержал его, чтобы отыграть у мечника еще секунду-другую. Но и тот не зевал. Смекнув, на какую уловку он попался, рыцарь вскинул меч и попытался ткнуть им чужака поверх щита.

Этот короткий молниеносный удар угодил бы Куприянову в лицо или горло, если бы он не догадался упасть на колени. А упав, проехал на них по траве и очутился у врага аккурат под левой рукой.

Бесполезно было пытаться пробить ножом железную кирасу. Она состояла из двух половин – передней и задней, – а те были скреплены на боках сыромятными ремешками. Скреплены надежно – зазор между ними оставался минимальным. Однако Кальтер целил не туда. Чтобы не мешать рукам воина свободно двигаться, отверстия для них были сделаны в кирасе достаточно широкими. И в них уже можно было наносить удар. Что Куприянов и сделал, всадив рыцарю нож в подмышку по самую рукоятку. А затем оттолкнулся от земли и, перекатившись через плечо, разорвал дистанцию с врагом, который все еще был опасен и мог сопротивляться.

Подмышечная впадина, куда Кальтер поразил противника, являла собой одну из целей, в которые учат наносить удары ножом на курсах рукопашного боя в любой армейской учебке. Именно в том месте человеческого тела проходят одни из главных кровеносных магистралей: подключичные артерия и вена. При их поражении человек умирает от сильнейшей кровопотери за считаные минуты. На прежней своей диверсионной работе Куприянов не раз с успехом применял этот удар в бою. И потому был уверен, что сегодня тоже не промахнулся. Вскочив на ноги, он вновь развернулся лицом к противнику, но теперь его задача упростилась. Все, что ему сейчас требовалось, это держаться от мечника на безопасном расстоянии и дать тому истечь кровью. Тем более что мечник, не собираясь прекращать бой, сам того не желая, лишь ускорял этот процесс.

Он прямо-таки горел желанием поквитаться с чужаком за этот коварный удар. Однако из его левой подмышки ручьем хлестала кровь, и потому, сделав несколько шагов и безуспешных взмахов мечом, рыцарь обессиленно упал на колени. А затем, прохрипев что-то нечленораздельное, рухнул ниц и больше не двигался.

– Это мой пакаль! – повторил Кальтер, указав окровавленным ножом на упавший к его ногам вражеский щит. На сей раз со стороны рыцаря не последовало возражений. Он был мертв, а покойникам, как известно, абсолютно на все начхать…

Первое, что сделал Куприянов, расправившись с кровожадным врагом… нет, не оторвал от его щита артефакт. Сначала победитель осмотрелся по сторонам и прислушался, не скачет ли сюда еще один злобный представитель дремучего Средневековья. Или того хуже – целая кавалерия таковых. Причем появление на берегу кавалерии было бы гораздо вероятнее, так как в мире, где на тебя набрасывается каждый встречный, путешествовать одному было слишком опасно…

Ничего: ни топота копыт, ни криков, ни бряцания оружия… Похоже, Кальтеру и впрямь повезло столкнуться с рыцарем, странствовавшим в одиночку. И теперь, когда адреналин перегорел, настала пора узнать, кто все-таки был в этом мире хозяином, а кто гостем. Иными словами, кого к кому занесло: Кальтера – в далекое прошлое или же рыцарь был заброшен «серыми» в современный мир и пошел против него в крестовый поход, убивая каждого встречного и поперечного.

Ответ на этот вопрос могла дать приторочennая к лошади поклажа мертвеца – наверняка там хранились все ценные трофеи из тех, что ему попадались. Не став пока трогать пакаль, Кальтер поймал не успевшую отбежать далеко лошадь, привязал ее к кусту, после чего снял с нее чехол с оружием и дорожный сундучок с пожитками. В последнем, помимо бесхитростной еды, пары запасных рубашек и портянок, мотка дратвы, точильного бруска-оселка, деревянного распятья и склянки с какой-то отвратительно пахнущей мазью, и впрямь обнаружилось кое-что интересное. А именно: небольшой бронзовый жезл с навершием в виде распростершего крылья орла, веревочка с надетыми на нее железными кругляшками, в каждом из которых имелось квадратное отверстие, и кремниевый колесцовый замок от старинного пистолета.

Насчет последнего сомнений не было – он определенно принадлежал более поздней эпохе, нежели той, в которой жил рыцарь. Происхождение и назначение первых двух нахо-

док тоже вскоре стало более-менее понятно. Жезл с орлом, судя по надписям на латыни, покрывавшим его, наверняка носил в свое время какой-то древнеримский военачальник. На кругляшках с квадратными дырочками тоже имелись надписи, только сделаны они были не латиницей, а иероглифами. Осмотрев их, Кальтер предположил, что держит в руках древние монеты, не то китайские, не то японские. А может, не монеты, но точно не четки – для них эта связка была тяжеловата.

В принципе, наличие у английского рыцаря тринадцатого-четырнадцатого веков древнеримских и древневосточных артефактов могло иметь рациональное объяснение. Могло, если бы не одно но: и монеты, и жезл выглядели подозрительно новыми. Так же как пистолетный замок, которому уж точно не полагалось здесь быть. Но поскольку и гидрокостюм Кальтера, и пакали, и сам он тоже не вписывались в рыцарскую эпоху, то удивляться всем этим находкам не приходилось. В сравнении с чудесами, на которые Куприянов насмотрелся в Дубае, в Скважинске и на Татакото, здешние странности его пока не впечатляли. Кроме разве что морского исполина, который потопил катер. Хотя и этот зубастый монстр, честно говоря, больше пугал, чем вызывал удивление.

Непонятно, каким образом белый пакаль держался на щите, но Кальтер снял его оттуда вообще безо всяких усилий. Походило на то, что со смертью владельца артефакт утратил с ним все связи… Впрочем, не важно. Важно то, что теперь у Кальтера были в распоряжении два пакаля – красный и белый. А это значит, что он мог попробовать их соединить и активировать.

В теории такой эксперимент мог закончиться тем, что экспериментатор будет мгновенно телепортирован к третьему артефакту – так называемому «пакалю-маяку». Однажды такой опыт Куприянову удался. Его бывшие враги с успехом это тоже проделывали. Вот только на практике активация могла и не состояться. Что уже случалось с Куприяновым в Скважинске, и сейчас он не был застрахован от подобной осечки. С той лишь разницей, что в прошлый раз она обернулась для Кальтера катастрофическими последствиями, а здесь в случае неудачи он всего-навсего никуда не переместится… Опять-таки лишь в теории. А на деле с ним могло произойти все что угодно, вплоть до самого невозможного. Причем как в хорошем, так и в плохом смысле.

Действительно, белый пакаль был тем самым, что Куприянов некогда утратил, а не каким-то другим с похожим рисунком. Упакованный в узелок, красный пакаль валялся там, где Кальтер его и бросил, когда был атакован рыцарем. Он не отказался от идеи поэкспериментировать с артефактами, но отложил это дело на потом. Сначала ему хотелось подняться на ближайший холм и осмотреться получше. Как стало уже понятно, самый густой туман держался над морем. Но чем дальше Кальтер уходил от берега, тем туманная пелена все заметнее рассеивалась. Хотя и не до конца. Небо по-прежнему оставалось затянутым ею, отчего на нем не были видны ни облака, ни даже солнечный диск. И никаких признаков того, что погода улучшится, Куприянов пока не замечал. Наоборот, опасался, как бы не зарядил дождь. Судя по влажной земле и вымоинам на склонах холмов и гор, дожди здесь лили часто и продолжительно.

Обувь рыцарю была уже не нужна, и Кальтер, отринув брезгливость, хотел позаимствовать у него сапоги. Но размер вражеских ног оказался до неприличия мал, и эту идею пришлось отвергнуть. Хотя запасные портянки невольный мародер у него все же забрал. Те были хоть и поношены, но не так давно выстираны, а с носками в эту суровую эпоху, как подсказывала Кальтеру интуиция, дела обстояли еще хуже, хотя их наверняка давно изобрели.

Впрочем, без обуви он все равно не остался, соорудив себе на первое время обмотки из рыцарских рубашек. А чтобы они не размотались при ходьбе, он вдобавок обвязал их поверх дратвой из рыцарского сундучка. Со стороны одетый в современный гидрокостюм и в такую нищенскую обувку человек наверняка выглядел забавно. Но Кальтер плевать на это

хотел – здоровье собственных ступней было для него гораздо важнее. Да и кому тут над ним насмехаться? Первый же встреченный им человек не пожелал с ним даже разговаривать, а с ходу бросился его убивать, хотя Куприянов ему слова дурного не сказал. А если бы на него налетело сразу двое или трое забияк в доспехах, что тогда?

Глупый вопрос. Тогда на этом склоне лежал бы сейчас мертвым Кальтер, а не «рыцарь печального образа», сражавшийся под гербом Белого Пакаля…

Из трофейного оружия Куприянов взял себе лишь кинжал да легкую палицу, с которыми он гарантированно управится лучше, чем с мечом. Да и багаж у него получился совсем небольшой: не считая пакалей и портянок, он прихватил с собой также запас провизии, точильный камень и пистолетный замок. В последнем все еще наличествовал кремень, а значит, его можно было использовать в качестве огнива. Чем, видимо, он когда-то рыцарю и приглянулся. Интересно, где лежат останки того убитого им воина начала эпохи пороха? Возможно, даже где-нибудь неподалеку. И Кальтер мог бы найти возле его трупа еще что-нибудь ценное. То, что рыцарь по причине своей дремучести счел бесполезным: к примеру, сам пистолет, запас пороха или документы, способные пролить свет на все, что здесь творится…

Идея была заманчивая, но Кальтер не стал отклоняться от первоначального плана, поскольку идти туда, откуда прискакал всадник, было чересчур рискованно. Идею отправиться в путь верхом он тоже отверг – усомнился, что сможет управиться с лошадью, и не хотел привлекать к себе лишнее внимание. Да и перспектива вылететь из седла и свернуть себе шею при скачке по пересеченной местности его тоже не прельщала. Закинув на плечо оружейный чехол, из которого вышел удобный вещмешок, Кальтер отвязал от куста лошадь – пусть бежит, куда хочет, – и зашагал вверх по склону холма, планируя вскоре выйти на берег реки.

Пакали он нес в отдельном узелке, но замотал горячий артефакт в тряпицу, чтобы они не соприкасались друг с другом во избежание аномальных эксцессов. Несмотря на то что Кальтер намеревался сам вскоре это сделать, ему было важно контролировать ход этого эксперимента. Ну или хотя бы думать, будто он что-то контролирует там, где от него почти ничего не зависело. К тому же не следовало забывать, что в случае удачи он телепортируется к пакалю-маяку, который вряд ли будет валяться на земле, дожидаясь, пока его кто-нибудь подберет. Скорее всего, «маяк» окажется в руках очередного чокнутого головореза, а то и целой банды таковых. И потому Кальтеру требовалось сначала хорошенько осмотреться и выяснить, много ли шляется по окрестностям его вероятных противников.

Он не собирался лезть в драку до тех пор, пока его к этому не вынудят. Если у него появится хоть один шанс избежать нового кровопролития, он непременно им воспользуется. Слишком много крови уже пролито в этой Игре, чтобы он по собственной воле взялся искать на свою… голову новые неприятности. Впрочем, как подсказывал ему опыт, здесь от его желания ничего не зависело. Мирного выхода из Игры – или, вернее, странной войны неизвестно с кем и за какие идеалы – не существовало в принципе. Как бы Кальтер ни уклонялся от битвы, все равно новые неприятности рано или поздно сами его отыщут. Так, как случилось с этим рыцарем, которому он поначалу не желал зла. И которого в итоге хладнокровно убил, потому что тот сам его к этому вынудил.

Хотя иначе и быть не могло. Пожелай «серые» устроить бескровную, мирную Игру, разве ангажировали бы они на нее таких одиозных типов, как Кальтер, Грязный Ирод и прочие «мясники»? И дело не в том, что всем им приходится раз за разом пускать друг другу кровь. Как бы они ни пытались выдать себя за невольных заложников Сезона Катастроф, где-то в глубине души весь этот хаос продолжал доставлять им удовольствие. Ведь единственное, чему они обучены в совершенстве, – это убивать и творить насилие. Больше – ничему. И меняться в лучшую сторону всем им было слишком поздно. Старых хищников не

перевоспитаешь, и любой смельчак, который попробует доказать обратное, рискует в итоге стать для них очередной жертвой…

Глава 5

Сразу за холмами обнаружилась зажатая между горами долина, по которой и текла впадающая в море река. Насколько далеко эта впадина углублялась в горный массив, Кальтеру мешала рассмотреть висящая в воздухе туманная хмарь. Правда, ему казалось, что он все-таки видит сквозь нее противоположный край долины, упирающийся в крутые обрывистые склоны. Скорее всего, это их смутные очертания темнели за туманной пеленой. Хотя кое-что в них выглядело странным. А именно – подозрительное множество геометрически правильных линий, прямых и дугообразных. Чего на склонах остальных гор совершенно не наблюдалось. Эти горы были самыми обычными горами – такими, какие в изобилии встречаются во все той же Норвегии или на Аляске. Однако в горах за пеленой тумана таилось уже что-то неестественное, если не сказать зловещее.

Кальтеру не хотелось идти в те края и, рискуя жизнью, проливать свет на эту загадку – пускай бы она и дальше такой оставалась. Но и отказаться от похода туда он тоже не мог. Даже издали было заметно, что в долине есть следы человеческого присутствия. И хоть это были не те следы, которые он надеялся увидеть, пройти мимо, не изучив их хотя бы наскоро, явилось бы ошибкой. Его забросили сюда голым и босым, не дав никаких подсказок. Поэтому чем раньше он займется исследованием этого мира, тем скорее найдет отсюда выход. За которым, вполне возможно, его будет ждать настоящая, а не мнимая свобода и возвращение домой, к нормальной человеческой жизни.

В данный момент все то, что лежало между Кальтером и его гипотетической свободой, язык не поворачивался назвать нормальным. Останки множества тел валялись тут и там в сухой траве, что устилала берега реки. Убитых недавно среди них на первый взгляд не наблюдалось – все тела выглядели истлевшими и полуистлевшими. Но сам вид отгремевшего здесь когда-то побоища удручал Кальтера не так, как разнообразное оружие, которым оно велось, и доспехи, в которые были одеты большинство погибших.

Такого собрания оружейного антиквариата Куприянову не доводилось видеть даже в исторических музеях. Он не был историком, но его скромных знаний хватало, чтобы определить, какие останки принадлежат всадникам и пехотинцам семнадцатого-восемнадцатого веков, а какие – древнеримским, древнегреческим и прочим воинам, жившим еще до нашей эры. Аркебузы и мушкеты валялись здесь вперемешку с луками и арбалетами, а шпаги и алебарды – с пилумами, гастами, гладиусами и фальконетами. И это не считая той массы оружия, которое существовало в промежутке между этими двумя эпохами. Которые во всей этой путанице следовало считать пограничными, поскольку Кальтер нигде не замечал винтовок, револьверов и другого, более современного огнестрельного оружия, а также более раннего и примитивного, вроде дубин и каменных топоров.

Зато он замечал такое множество щитов всех размеров и форм, что, если собрать их вместе, из них, наверное, можно было соорудить целый ангар. И это тоже выглядело донельзя странным. По меркам любой эпохи такая гора оружия и доспехов имела огромную ценность и не пролежала бы долго бесхозной. Однако за время, что гнили здесь эти тела, никто так и не удосужился пригнать сюда обоз и забрать у мертвецов уже не нужное им добро.

И все же, судя по распотрошенным солдатским котомкам, ранцам и вещмешкам, мародеры в эту долину наведывались. А теперь туда же собирался наведаться Кальтер. Холод не ослабевал, а ночью грозил усилиться, но на поле отгремевшей брани можно было разжиться и теплой одеждой, и обувью. Ну и, разумеется, более подходящим оружием. Например, луком или арбалетом. С ними, в отличие от меча и шпаги, Куприянов точно управится

– на службе ему доводилось практиковаться в стрельбе из их современных «шпионских» аналогов.

Вдоль реки рос невысокий кустарник. Спустившись с холма, Кальтер не стал удаляться от ее берега, чтобы спрятаться в зарослях, если в поле его зрения появится враг. Встретить в этих краях друга, союзника или просто сочувствующего он уже не надеялся. Хотя бы потому, что не видел трупов тех людей, с которыми он при их жизни мог бы найти общий язык: солдат двадцатого – начала двадцать первого веков. Или, на худой конец, солдат второй половины века девятнадцатого. А те, что здесь валялись, небось, тоже отреагировали бы при жизни на появление Кальтера так же, как тот рыцарь, а ведь он был отнюдь не варвар.

Трупы варваров, кстати, здесь тоже попадались. Но эти облаченные в шкуры, лохматые и бородатые тела принадлежали уже не первобытным дикарям. Судя по оружию и металлическим деталям в их амуниции, они были как минимум современниками Римской империи. Также глаз Кальтера то и дело натыкался на мертвых викингов, самураев или чернобородых сарацинов. Один раз он увидел пронзенного копьем мертвеца в стрелецком кафтане и с пищалью в руках. А вскоре наткнулся на останки тоже вроде бы русского богатыря в длинной кольчуге, красных шароварах и шлеме-шишаке с острым навершием. Причем шлем и голова лежали отдельно от тела, обезглавленного с поразительной аккуратностью. Впрочем, не исключено, что его убийца и сам сложил голову где-то неподалеку.

Вскоре на усеянной трупами долине обнаружилось еще кое-что. Это был насыпанный в форме прямоугольника земляной вал с выстроенным по его верху частоколом. Вокруг вала имелся неширокий ров, земля при рытье которого, собственно, и пошла на сооружение насыпи. В ее внешний склон были врыты заостренные колья, призванные доставлять штурмующим это укрепление врагам лишние неудобства. По всем признакам, оно было выстроено не слишком давно и на скорую руку. Но сам факт его наличия в долине лишний раз свидетельствовал о том, какие нешуточные здесь бушевали страсти.

Кальтеру было простительно не знать, чем отличается, к примеру, древний персидский воин от филистимлянского. Однако не разбираться в древнеримской фортификации выпускнику военного училища было бы стыдно. Поэтому он сразу опознал типичный полевой лагерь, которые римляне строили в свое время на завоевываемых ими землях.

Лагерь был брошен хозяевами и теперь пустовал. Причем именно брошен, а не разгромлен, так как во втором случае в воротах и на стенах наблюдалось бы множество павших при его обороне легионеров. Тела там имелись, но это был все тот же «винегрет» из мертвых воинов разных стран и эпох, среди которых в римские доспехи были одеты лишь единицы. Значит, легионеры ушли отсюда сами и, возможно, без боя. Также, возможно, перед этим они провели разведку местности и точно знали, куда идут. Но отправились они не к побережью, поскольку Кальтер не увидел с холма их следов. Тех, что остаются после прохода по бездорожью крупных воинских формирований. Стало быть, римляне отправились в глубь туманной долины, где могли найти как спасение, так и свою погибель. Но, принимая во внимание их организованность и военную мощь, у них в любом случае было куда больше шансов найти отсюда выход.

Вряд ли в таком небольшом лагере укрывался целый легион. Больше походило на то, что он сооружался силами двух-трех когорт. Но и такая армия, равная по количеству бойцов примерно одному современному мотострелковому полку, была серьезной силой. И не могла уйти отсюда бесследно. Для не имеющего четких ориентиров Кальтера идти по ее стопам означало выбрать наилучший путеводитель из всех доступных. Поэтому он после коротких раздумий отправился прямиком к лагерю, благо тот также стоял на берегу реки.

Наверняка практичные римляне унесли с собой все самое необходимое. В том числе теплую одежду, если она у них имелась. Поэтому Кальтер и не рассчитывал найти ее в лагере. Одежду ему придется собирать по дороге туда. И лучше заняться этим поскорее – не хватало

еще проведшему последний год в жаркой Полинезии Куприянову подхватить здесь простуду или воспаление легких.

С мира по нитке – нищему рубаха… Примерно по такому принципу беглый зэк взялся разживаться трофейной одеждой. Глупо было, конечно, привередничать в ее выборе. Но при всем бедственном положении Кальтера его не прельщала возможность щеголять в полосатых, будто арбуз, шароварах, мушкетерских накидках и ботфортах или солдатских камзолах петровской эпохи. Само собой, варварские шкуры и рыцарские доспехи он тоже отверг. Кальтеру было нужно нечто такое, что не стесняло бы его движений и хорошо согревало. А насчет защиты от стрел, мечей и копий он беспокоился во вторую очередь. Все равно драться врукопашную с матерыми фехтовальщиками он собирался лишь в самом крайнем случае – если только не сможет от них убежать или скрыться. А убегать и скрываться гораздо удобнее без тяжелой брони и кольчуги.

Но, как говорится, кто ищет, тот всегда найдет. И потому к лагерю Кальтер подходил уже не в гидрокостюме, а в потертой одежде испанского наемника-пехотинца семнадцатого века. Человек этот при жизни был не слишком знатным, но способным обеспечить себя добротной, крепкой одеждой и обувью. Кожаная куртка, не стесняющая движения во время фехтования и заодно защищающая от порезов; штаны из шерстяной ткани, просторные и теплые; такой же теплый шерстяной жилет, хорошо согревающий поясницу; сапоги из мягкой кожи со шнурками – все это Кальтер снял с тела испанца. А из его торбы вытащил две холщовые рубашки, которые надел одну на другую под жилет, и длинный плащ-накидку.

Носить последний было неудобно, и он переложил его в свой вещмешок – авось пригодится ночью, когда станет холоднее или когда пойдет дождь. Да и маскироваться в сумерках под потертой черной накидкой будет удобно – улегся в кустиках или среди камней, укрылся ею с головой и практически слился с землей.

Широкополую наемничью шляпу Кальтер брать уже не стал – что в ней толку там, где царит пасмурная погода? Вместо шляпы он соорудил себе бандану, вырезав кусок ткани из плаща, снятого с трупа крестоносца, что валялся по соседству. Этот труп, а также труп наемника были довольно свежими и еще не начали разлагаться. Очевидно, они погибли здесь совсем недавно. В то время как от многих других тел остались лишь скелеты, а остальные пребывали на средней стадии разложения. Так что сделанная Кальтером на вершине холма догадка не подтвердилась. В долине произошла не одна великая битва «всех времен и народов», а десятки, если не сотни, мелких стычек. И продолжалось это уже достаточно долго.

А теперь, как говорится, внимание – вопрос: если павшие здесь воины явились сюда тем же путем, каким пришел Кальтер, то откуда тогда приходили те, кто на них нападал? Или они нападали друг на друга? Но это маловероятно. Оказавшийся в незнакомой местности опытный солдат не станет без веской причины набрасываться на другого солдата. Особенно если тот одет в незнакомую форму и говорит на незнакомом языке. Атаковать пришельцев без предупреждения могут либо аборигены, либо пришлые вояки, которые уже давно живут здесь за счет собираемых с чужаков трофеев. Подобно тому рыцарю на побережье. Вот только он не смог бы перебить в одиночку такое количество народу. А раз так, значит, где-то поблизости рыщут его конкуренты по разбойничьему промыслу, противостоять которым смогли разве что римляне. Однако, судя по свежим трупам, перебить всех мародеров подчистую им не удалось.

Чувство опасности и прежде не покидало Кальтера, а теперь оно обострилось до предела. Разумеется, многим из его ныне мертвых собратьев по несчастью пришла в голову мысль осмотреть брошенный римский лагерь. И все они в последние мгновения своей жизни явно пожалели о столь неудачной идее. Как бы не пожалеть об этом и Кальтеру… Но пока что он жалел лишь о выброшенном гидрокостюме. Жаль было расставаться со столь полезной вещью. Однако не тащить же его с собой – он занимал в вещмешке немало места и весил

в промокшем виде несколько килограммов. К тому же, если вдруг Куприянов, спасаясь от врагов, снова решит нырнуть в холодную воду, вряд ли у него будет время переодеться в гидрокостюм.

С одеждой все вроде бы утряслось, но с поиском подходящего оружия возникли трудности. Подвернувшиеся Кальтеру под ноги два лука и арбалет уже ни на что не годились. Первые были попросту сломаны. Второй оказался цел, но взводился посредством специального зубчатого ворота, которого Куприянов не нашел. Да если бы и нашел, то все равно не взял бы это оружие. Оно было слишком громоздким, чтобы таскаться с ним по горам, да и его скорострельность оставляла желать лучшего. С таким арбалетом удобнее воевать в строю, когда ты и другие стрелки пускаете болты поочередно, прикрывая друг друга во время перезарядки. Но в качестве индивидуального средства самообороны проку от этакой бандуры будет не больше, чем от того рыцарского копья.

Еще один арбалет – меньший по размеру и взводимый обычным способом, без механических устройств, – Кальтер обнаружил уже на подступах к лагерю. Он был приторочен к седлу дохлой лошади, чей хозяин куда-то сгинул; по крайней мере его тело поблизости отсутствовало. Куприянов не мог сказать, сгодится ли ему такое оружие, пока не опробует его, выстрелив из него пару болтов в ту же лошадиную тушу. Как знать, а вдруг арбалет повредился при падении – такое не исключалось, пусть даже его тетива выглядела целой.

Приметив находку, Кальтер направился к уже источающей смрад падали, не собираясь задерживаться возле нее дольше, чем это было необходимо…

…И в результате все-таки там задержался! И не только задержался, но и был вынужден искать укрытие прямо за падалью, на которую ему не хотелось даже глядеть, а не то что притрагиваться к ней.

Впрочем, на что только не пойдешь, лишь бы не дать кому-то тебя угробить. А особенно тогда, когда ты еще не растерял вкус к жизни и не намерен отдавать ее задешево кому попало…

Глава 6

Каким бы метким ни был лучник, есть в его боевом ремесле ограничения, которые он при всем старании не обойдет. Например, необходимость натягивания тетивы или невозможность стрелять лежа. Чтобы произвести выстрел из лука, стрелку волей-неволей надо выполнить ряд действий, которые могут выдать его местоположение, когда он атакует из засады. И ему чертовски повезет, если его враг будет смотреть при этом в другую сторону.

Когда в Кальтера внезапно полетели стрелы, он тоже смотрел в другую сторону. Что, однако, не мешало его тренированному периферическому зрению фиксировать любое движение справа и слева от него. Тем более что другого движения, кроме враждебного, поблизости быть не могло. Даже если это были собака или волк. Куприянов не знал, насколько агрессивна здешняя объевшаяся человечины фауна, и не имел права недооценивать эту угрозу.

Заметив боковым зрением противника, Кальтер и впрямь сначала принял того за зверя. Когда в двадцати шагах от него с земли вдруг вскочило нечто крупное и лохматое, почти ничего не выдавало в этом существе человека. Но едва обернувшийся в ту сторону Кальтер заметил в лапах «зверя» лук, все сразу встало на свои места.

Одетый в шкуры лучник был весьма проворен. Чтобы принять стойку для стрельбы с колена и пустить стрелу, ему понадобился всего миг. Которого, впрочем, хватило и Кальтеру, чтобы уйти с линии выстрела за ближайшее укрытие. Стрела пронеслась прямо у него над головой, когда он нырком перепрыгнул через лошадиный труп и плюхнулся сразу за ним. После чего в его импровизированный щит тут же воткнулась вторая стрела, из чего следовал вывод: на Кальтера охотятся как минимум двое противников. Потому что один лучник, даже ас, вряд ли сумел бы выпускать стрелы по штуке в секунду, да еще так метко.

Некогда живой, а ныне мертвый щит Кальтера не был идеальным укрытием. Когда лучники обойдут его с флангов – а они непременно его обойдут, – ему несдобровать. Значит, надо как можно скорее уходить отсюда в лагерь или к реке. Туда, где больше укрытий. И где он сможет если не убежать, то дать врагу хотя бы мало-мальски честный бой. В перестрелке же с хорошим лучником ему ничего не светит, ну а с двумя – тем более.

Кальтер высунул левую руку из-за укрытия и попытался отцепить от седла арбалет. Сделать это оказалось не так-то просто. Он не успел разглядеть, каким образом оружие крепится к седлу, и определить это на ощупь тоже не получалось. А тем временем враг снова показал ему, кто здесь контролирует ситуацию, попав стрелой точно Кальтеру в руку. Не будь это протез, от которого стрела попросту отскочила, его предплечье оказалось бы пригвождено к лошадиной туше.

Отличный выстрел, пусть и безрезультатный! С кем только не повоевал Кальтер за свою жизнь, но с настоящими Робин Гудами судьба столкнула его впервые. Сначала «айвенго», затем они… А у Кальтера, как было и там, на берегу, опять нет под рукой подходящего оружия! Или, вернее, под рукой-то оно как раз есть, да только воспользоваться им никак не удавалось.

Один из лучников что-то прокричал не то Кальтеру, не то своему приятелю. Или, правильнее сказать, лучница, потому что голос был хоть и грубый, но определенно женский. Так же как второй голос, откликнувшийся на этот зов. И если насчет первого еще можно было усомниться, то второй – более тонкий и визгливый – принадлежал женщине вне всякого сомнения.

В их языке отсутствовали даже отдаленно понятные Куприянову слова, но он почти не сомневался, что его загнали в ловушку не варварки, а южанки. С таким опытом работы на Ближнем Востоке, как был у Кальтера, ошибиться в данном вопросе трудно. Фонетика этого

языка отдаленно напоминала турецкий, который Кальтер знал плохо. Зато он прекрасно владел арабским и потому решил попытаться обратиться к противницам на нем:

– Эй, не стреляйте! Я не желаю вам зла! Я – лекарь! Я помогаю людям! У меня есть целебные снадобья, и если вам требуется лечение, я могу вам его оказать!

Прежде чем мнимому доктору ответили, он успел повторить свою короткую речь на трех диалектах арабского из пяти, которые он знал. Лучницы закричали, перебивая одна другую, и пусть Кальтер опять не понял ни слова, основной их посыл он все-таки уловил: здоровье у них было в полном порядке. Отказ от врачебной помощи также подкрепила очередная стрела. Она вонзилась в лошадиный бок под таким углом, что пробила лишь шкуру, а ее наконечник вышел наружу всего в пяди от лица Куприянова.

– Проклятые амазонки! – выругался он. После чего отринул идею заполучить арбалет и, сунув руку в вещмешок, достал оттуда оба пакаля.

Иного выхода, кроме как рискнуть активировать их, не было. Крики лучниц раздавались уже неподалеку, и стоит лишь Кальтеру высунуть нос из-за укрытия, как через миг в этом носу будет торчать стрела. На такой дистанции снайперши подавно не промахнутся, даже начни их цель убегать от них зигзагами. Оставался один выход – телепортация наугад. И если она вдруг не сработает, как это случилось в Скважинске, что ж… Придется тогда Куприянову, прикрываясь вещмешком словно щитом, бросаться наутек в надежде, что он еще не разучился стремительно бегать и петлять, как заяц.

Увы, опять фиаско! Чуда не произошло. И опять, неизвестно почему, но Куприянова это уже не удивило. Стукнув пакалем о пакаль так и эдак без какого-либо результата, он хотел было сразу же перейти к самоубийственному «плану Б», но в последний миг остановился. И вместо того, чтобы бросить артефакты обратно в мешок, высунул их из-за укрытия и помахал ими так, чтобы лучницы это увидели.

Идея показать девчонкам драгоценные побрякушки была спонтанной и являла собой практически выстрел вслепую. Однако Кальтер припомнил, с каким пиететом относился к пакалю убитый им рыцарь, и предположил, что у дикарок пакали тоже могут считаться священной реликвией. Такой, при виде которой они падут ниц и побоятся стрелять в ее носителя… Почему нет? Любой дикарь суеверен и соблюдает множество табу, которые видятся цивилизованному человеку обычными глупостями. И которые этот человек, если он не дурак, всегда может обернуть себе на пользу.

Лучницы могли легко попасть стрелами в оба артефакта. Но они этого не сделали, а взялись о чем-то оживленно между собой перекрикиваться. В их голосах слышались теперь удивление и растерянность. Было очевидно, что догадка Кальтера угодила пусть не в десятку, но и не в пустоту – его противницы опешили. Чему наверняка поспособствовал тот пакаль, что испускал багровый свет. Он продолжал пугать даже его самого, хотя он не имел привычки бояться неодушевленных предметов. Что же говорить об амазонках, которые, небось, жили еще до нашей эры и боялись даже грома и молний, не говоря о прочих недоступных их пониманию вещах.

Кальтер набрался смелости и выглянул краем глаза из-за высунутых наружу пакалей, полагая, что те его защитят. Кажется, переговаривающиеся друг с другом «дамочки» его даже не заметили, хотя их луки были нацелены на его убежище. Зато он заметил все, что ему было нужно. Лучница, которая подкрадывалась к нему с правого фланга, находилась ближе, чем левофланговая. А та отстала от подруги шагов на пятнадцать. Судя по всему, первая исполняла роль загонщицы и собиралась выгнать жертву из укрытия аккурат под выстрел второй. Классическая ловчая тактика, эффективная при охоте как на зверя, так и на человека. Особенно на того, кто испытывает острую нехватку путей для бегства.

Шкуры, в которые были наряжены амазонки, были явно трофейными. А под ними можно было разглядеть покрытые чеканкой доспехи, походившие на античные. Надо пола-

гать, южанки ощущали себя здесь некомфортно и недолго пробегали по холоду без верхней одежды. Возможно, раньше они носили и шлемы, но теперь на их головах были надеты меховые колпаки, снятые, видимо, с тех же самых носителей шкур. Чья дальнейшая участь вряд ли отличалась от участи прочих бедолаг, коим не посчастливилось пересечь эту долину.

Сымпровизированный Кальтером эффект неожиданности сработал. Но растерянность у лучниц вот-вот пройдет, и что дальше? А дальше следовало удивить их повторно. И пока они снова не выйдут из замешательства, провести решительную контратаку. Благо врагини уже приблизились к Куприянову настолько, что теперь разделяющая их дистанция стала опасной не только для жертвы, но и для самих охотниц.

Демонстрация пакалей закончилась для амазонок еще неожиданнее, чем началась. Подразнивший их Кальтер вдруг взял и швырнул оба артефакта под ноги той лучницы, что находилась к нему ближе. Она отреагировала на это вполне предсказуемо: отпрыгнула назад и закричала что-то злобное и одновременно испуганное. Ее подруга тоже испугалась и вскинула было лук, но Куприянов уже скрылся за преградой, и выстрела не последовало.

Отныне все зависело от дикарской психологии лучниц. А она была простой и недалеко ушла от животной. Напугавшие их «колдовские» предметы теперь валялись у них на пути, и они не могли просто взять и перешагнуть через них. Точно так же загнанный волк не может перепрыгнуть через флажки, которые сами по себе не представляют для него опасности. Но они непривычно выглядят и пахнут, а для обостренных инстинктов хищника это уже признак вероятной угрозы. Тем более когда он вдобавок чует находящегося неподалеку врага.

Амазонка, рядом с которой упали пакали, тоже уподобилась хищнику – насторожилась, напряглась и стала осторожно, шаг за шагом, к ним приближаться. Во влажной траве от горячего артефакта тут же пошел пар, что стало для лучницы лишним поводом для беспокойства. Вторая лучница переводила взгляд с дохлой лошади на подругу и назад. Но поскольку самое интересное происходило сейчас не за вражеским укрытием, а перед ним, то и основное ее внимание тоже было сосредоточено на пакалях. Что Кальтера вполне устраивало, поэтому он сидел тише воды ниже травы, не желая лишний раз отвлекать на себя лучниц.

Он даже не следил украдкой за их действиями – зачем? Ему хватало и тех звуков, которые до него долетали. Амазонки не переставали перекрикиваться, и по их интонациям Кальтер догадывался, что именно они делают. Когда же настанет его черед действовать, они сами подадут ему сигнал. Какой? Разумеется, тоже звуковой. Такой, который он не пропустит мимо ушей. А если не подадут? Ну, это вряд ли. Куприянов успел наслушаться их болтовни и знал, какое грядущее событие лучницы совершенно точно не оставят без громких взволнованных комментариев.

Поскольку Кальтер до сих пор прятался, выброшенные им пакали амазонки должны были расценить как попытку от них откупиться. Приблизившаяся к артефактам лучница потолкала их носком мехового сапога и, не обнаружив угрозы, рискнула до них дотронуться. И, конечно, испытала неприятные ощущения, коснувшись горячего пакаля. О чем тут же известила подругу, злобно зашипев и затараторив, – судя по тону, это наверняка была брань.

Бурная, чисто женская реакция на болевой раздражитель – ее-то Кальтер и ждал! Она говорила о том, что в данный момент этой лучнице не до стрельбы. Вдобавок, трогая пакаль, она взяла лук и стрелу в одну руку, а из лука, как всем известно, стреляют только и исключительно двумя.

Резко высунувшись из укрытия, Кальтер размахнулся и метнул в бранящуюся амазонку палицу, которой разжился у убитого рыцаря. Палица была легкой, и попасть ею в цель с такого небольшого расстояния было нетрудно. Шипастый набалдашник палицы шибанул лучницу точно в лицо. Заткнувшись на полуслове, она отлетела назад и, раскинув руки, шмякнулась навзничь. Возможно, даже замертво. Но этого Куприянов не определил, поскольку, перепрыгнув через дохлую лошадь, уже несся во весь опор ко второй противнице.

Главное для Кальтера было не проморгать, когда ее лук развернется в его сторону. Потому что за разворотом сразу же последует выстрел, и эта стрела мимо не пролетит. Чтобы не нарваться на нее, ему нужно было отпрыгнуть в сторону одновременно с тем, как лучница спустит тетиву. Увернуться раньше не выйдет – противница успеет отследить его маневр и легко поразит движущуюся цель. Но когда стрела окажется в полете, ее уже нельзя будет контролировать. И если в этот миг – ни раньше ни позже – Кальтер увернется от нее, то он выиграет не только этот поединок, но и всю битву.

От того, сумеет ли он сейчас сконцентрироваться, зависела его жизнь. И он, ринувшись в бой, даже широко раскрыл глаза, чтобы ненароком не моргнуть. Вот наконечник вражеской стрелы нацеливается точно на Кальтера, но он сосредоточен не на ней, а на пальцах правой руки амазонки. Которые разжимаются и…

…И многострадальная дохлая лошадь заполучила в круп еще одну стрелу. А Кальтер, сделав перекат через бок, вновь очутился на ногах и не мешкая возобновил атаку. Да, он был дерьмовым фехтовальщиком и лучником. Но реакция, которую он оттачивал в разведшколе до седьмого пота и потом закреплял ее годами боевой практики, все еще его не подводила. Чего нельзя сказать о теле стареющего шпиона. Но, к счастью, на такие несложные выкрутасы оно было еще способно.

Поняв, что промахнулась и что ее враг уже рядом, амазонка не придумала ничего лучше, как огреть его по голове луком. Возможно, где-то под шкурами у нее был запрятан кинжал, но до него еще следовало дотянуться. Зато лук был уже у нее в руке, и в критический момент мог заменить собой дубинку.

Однако дубинок Кальтер опасался значительно меньше, чем стрел, копий и мечей. И, подставив протез, отразил удар, нацеленный ему точно в висок. После чего вторую лучницу постигла та же печальная участь, что и первую. Только ей сломал нос, вышиб половину зубов и раздробил лицевые кости не набалдашник палицы, а протезный кулак. Что не имело принципиального значения, ведь и тот и другой были железными и впечатались в лица амазонок примерно с одинаковой силой. Так что теперь им придется завязать с охотой на людей и срочно отправляться в ближайший госпиталь за медицинской помощью…

…Хотя какие, к чертовой матери, здесь могут быть госпитали! Интуиция подсказывала Кальтеру, что во всем этом безумии нет и не может быть больниц, магазинов, гостиниц, ферм и иных атрибутов цивилизованного мира. Также наверняка нет здесь и сил правопорядка, обязанных урегулировать весь этот хаос. В противном случае все трупы в долине были бы давно стащены в кучу и сожжены, а валяющееся повсюду оружие – собрано и перевезено на какой-нибудь склад.

Короче говоря, никто не придет на помощь амазонкам, которых Кальтер изувечил в порядке самозащиты. А без хирургического вмешательства с раздробленными лицевыми костями им не выжить. Адские боли будут преследовать их до самой смерти, которая наступит из-за возникшей у них вскорости гангрены, против которой никакая ампутация уже не спасет, ведь нельзя же в данном случае ампутировать больному голову…

Посмотрев на очередное кровавое деяние своих рук, Куприянов лишь огорченно поморщился и достал из ножен нож. Конечно, он мог бы позволить лучницам умереть самим, но почему бы не проявить к ним милосердие, избавив их от мучений? Да и как знать, а вдруг за ними по пятам идут их приятельницы, которым они успеют рассказать перед смертью о Кальтере?

Нет уж, чем меньше местные обитатели будут о нем наслышаны, тем лучше. И сейчас он об этом позаботится, ведь ему не хочется снова вляпаться в неприятности лишь потому, что он поленился избавиться от ненужных свидетелей…

Глава 7

Приглянувшийся Кальтеру арбалет так и остался висеть на седле дохлой лошади. Причем уже без тетивы – Кальтер перерезал ее, чтобы в будущем это оружие ненароком не выстрелило ему в спину. Жаль было портить столь добротную и полезную вещь, но теперь у него имелся трофейный лук – куда более удобное и простое в обращении устройство. Да и разжиться стрелами для лука в долине было проще, чем болтами – последние встречались гораздо реже и подходили размерами не для каждого арбалета.

Сделав несколько тренировочных выстрелов в лошадиную тушу, Кальтер остался в целом собой доволен. Стрелял он, разумеется, не так быстро и ловко, как несчастные амазонки. Зато лук в его железной руке сидел как влитой. Вдобавок ему не требовалось одевать кожаный наручень и перчатку, дабы тугая тетива не ударяла по руке. С меткостью у Кальтера тоже было все в порядке. Яблоко с чьей-нибудь головы он не сбил бы, но попасть в неподвижную человеческую фигуру с расстояния в тридцать-сорок шагов ему бы удалось. Не ахти какое достижение, но для неспециалиста в данном вопросе это было уже кое-что.

Пакаля у амазонок не оказалось. Разве только перед тем, как открыть охоту на Кальтера, они оставили артефакт в своем багаже или где-нибудь припрятали. Но идти искать их вещи – а заодно и новые неприятности – Куприянову совершенно не улыбалось. Поэтому он подобрал свои пакали, булаву и стрелы и, закинув за спину вещмешок, пошагал дальше, в направлении лагеря.

Лагерь наверняка пустовал. Теперь Кальтер не сомневался в этом, ведь иначе его стычка с орущими лучницами вызвала бы там оживление. Однако никто не выглядывал из-за частокола и не готовился встретить чужака в воротах, что непременно случилось бы, вторгнись он сейчас на чью-нибудь территорию.

Кальтер планировал лишь заглянуть внутрь лагеря, не более. Ему не хотелось соваться на огороженный участок местности, где враг мог блокировать все входы и выходы и загнать его в ловушку. Следы римлян наверняка отыщутся по ту сторону оборонительного периметра, а в лагере Кальтеру хотелось лишь убедиться в том, что легионеры действительно его покинули. Потому что могло ведь случиться и иначе: все они окажутся внутри в виде горы трупов, а следы снаружи будут принадлежать не им, а тем, кто их убил.

Подойдя к распахнутым настежь воротам с луком наготове, Куприянов быстро убедился, что его мрачные предположения не оправдались. Трупы внутри действительно валялись, но их было немного. И они принадлежали ко все тому же «винегрету» из мертвых воинов разных эпох, что устилал траву за пределами лагеря.

Это слегка обнадеживало. Если бы здесь нашло свою погибель даже несокрушимое римское войско, Кальтер точно впал бы в безнадегу. И было бы с чего. На этом поле Игра и так велась не по его правилам. И если бы в ней проигрывали даже чемпионы – те, для кого эти правила были привычными и родными, – какие тогда шансы на победу оставались бы у Кальтера? Ну а так для него, можно сказать, блеснул свет в конце тоннеля. Или даже не свет, а искорка, но и на том спасибо…

– Замри и не двигайся, тварь! – внезапно раздался у него за спиной грозный голос. – Одно резкое движение – и я в тебе такую дырку прострелю, что у тебя половина внутренностей через нее наружу вылетит! Хочешь проверить? Хочешь проверить, я спрашиваю?!

Вот это действительно был сюрприз так сюрприз! И не только потому, что новый враг подкрался к Кальтеру абсолютно незаметно, что само по себе было из ряда вон выходящим событием. Гораздо больше удивило другое – этот ловкач говорил с ним на русском языке! Причем не на старославянском или другой исторической разновидности «великого и могу-

чего», а на чистейшем современном, без какого-либо диалекта или акцента. То есть на том же самом языке, на котором говорил сам Кальтер. И который он уже не чаял здесь услышать.

– Верю тебе на слово. Замер и не двигаюсь, – отозвался Кальтер, опуская на землю лук. Даже если враг блефовал насчет имеющегося у него стрелкового оружия, лук в данном случае все равно не поможет. Враг находится от него слишком близко, и он при всем старании не успеет обернуться, натянуть тетиву и выстрелить.

Вот интересно, откуда вообще этот тип узнал, на каком языке к нему обращаться, ведь он был одет сейчас как испанский наемник? Враг следил за ним от самого берега и подслушал его речь по дороге? Но с рыцарем Куприянов пытался общаться по-английски, а с амазонками – по-арабски. Правда, несколько раз он ругался себе под нос, но вряд ли это было слышно на расстоянии. Разве только пристально наблюдавший за ним враг умел читать по губам…

– А теперь обернись! – отдал он следующий приказ. – Медленно! Медленно, я сказал!

Еще до того как Кальтер обернулся и увидел, с кем он столкнулся, голос этого человека показался ему смутно узнаваемым. Именно «смутно». Кальтер не жаловался на свою память и был уверен, что они уже сталкивались в недалеком прошлом, но общались недолго. Только вот кто из подобных «шапочных знакомцев» был настолько хитер и проворен, что сумел застать его врасплох? Список таких проныр был очень коротким. И все же Куприянов затруднялся назвать с ходу нужное имя.

Он не назвал бы его моментально даже тогда, когда разглядел взявшего его в плен шустрика. Это был подтянутый русоволосый парень среднего роста – примерно на полголовы ниже самого Кальтера, – с лицом, заросшим такой же русой и неаккуратно подстриженной бороденкой (судя по всему, он подрезал ее ножом, не глядя в зеркало). Но Кальтера смутила не она, а отсутствие у парня левого глаза, на месте которого красовался вырезанный из сыромятной кожи пятачок, удерживаемый на глазнице тесьмой, обвязанной вокруг головы. Кожа вокруг глазницы была покрыта рубцовой тканью – этот человек лишился глаза явно не на операционном столе. И уже после того, как встречался с Кальтером, потому что он не припоминал, когда ему доводилось иметь дело с одноглазым. Разве только…

…Разве только Кальтер не самолично вышиб ему глаз полтора года назад в Дубае! Но тут была одна серьезная загвоздка: вместе с глазом Кальтер вышиб тому противнику и половину мозгов, поскольку стрелял ему в голову из девятимиллиметрового пистолета.

– Ну что, узнаешь меня, сукин ты сын? – осведомился калека, злобно сверля Куприянова своим единственным глазом и целясь в него из короткоствольного мушкетона устрашающего калибра. Так что, обещая проделать в Кальтере большую дыру, одноглазый не соврал. Эта хреновина, а особенно заряженная картечью, была на такое вполне способна.

– Этого не может быть! – пробормотал Кальтер. – Сквозняк?! А тебя-то что за нелегкая принесла сюда… с того света?

– Да ты, гляжу, старый черт, не забыл мое имя! – удивился, в свою очередь, Сквозняк – бывший боец Грязного Ирода, с отрядом которого Кальтер воевал в Дубае. – Какая честь для скромного старшего лейтенанта и дезертира Ведомства – отложиться в памяти у самого великого Кальтера! Который ко всему прочему пристрелил меня своими же руками!

– Само собой, пристрелил, – даже не вздумал отпираться Куприянов. – А если бы не пристрелил, тогда бы ты меня прикончил. Как по мне, это был абсолютно честный обмен пулями. Так что радуйся – кому еще из мертвецов, кроме тебя, выпадал шанс воскреснуть и пристрелить собственного палача… Ну давай, не тяни! Стреляй, пока порох в твоей пушке не отсырел. Зачем еще, как ты думаешь, «серые» свели нас вместе? Не чаи же, в конце концов, распивать и былые подвиги вспоминать…

В качестве теплой верхней одежды Сквозняк подыскал себе меховой жилет с поясом, снятый не иначе с какого-то степняка-батыра из армии Чингисхана. В качестве шапки – сте-

ганый рыцарский подшлемник-ушанку, чьи уши он связал сзади, дабы те не мешали ему прислушиваться к звукам окружающего мира. Однако прочую одежду головорез Ирода принес сюда прямиком из Дубая. Кальтер не забыл: именно в такие современные армейские комбинезоны и ботинки были одеты там его главные враги.

А вот с оружием дела у Сквозняка обстояли немногим лучше, чем у Кальтера. Нацеленный на него мушкетон был, конечно, посерьезнее лука, но в схватке с превосходящими силами противника из него можно будет сделать лишь единственный выстрел. И то если не отсыреет порох, что при здешней погоде могло запросто случиться. Но, видимо, Сквозняк успел убедиться в эффективности мушкетона, раз продолжал носить его с собой вместе с запасом пороха и картечи. Помимо этого на поясе у него висели абордажный тесак и кинжал. Подобно Кальтеру, он тоже отдавал предпочтение более привычному холодному оружию – короткому и легкому, – нежели всяческим мечам и копьям. Также, вероятно, в походном арсенале Сквозняка наличествовали и другие инструменты для смертоубийства, но под рукой он держал лишь эти.

– Значит, предлагаешь мне тебя пристрелить? – переспросил он и криво ухмыльнулся. – А что, хорошая мысль! Ты даже не представляешь, с какой охотой я это сделал бы. Да только есть одна проблема: твоя смерть не даст мне ничего, кроме душевного удовлетворения. А что такое душевное удовлетворение для того, кто уже умер и вроде как лишился этой самой души? То же самое, что для тебя, однорукого, – вторая перчатка. Надеть ее все равно не на что, а носить с собой незачем. К тому же ты сам сказал: вряд ли эта наша встреча была случайной. И если «серые» потирают сейчас свои мерзкие ручонки, предвкушая, как я начну сводить с тобой счеты, то пусть обломаются, суки! Я под их дудку плясать не намерен!

– А что ты выиграешь, оставив меня в живых? – поинтересовался Кальтер.

– То же самое, что можешь выиграть и ты, если устоишь перед искушением прикончить меня повторно, – ответил Сквозняк. – В этом долбаном месте все дерутся со всеми. Никаких правил, никаких мораториев, никаких Женевских конвенций. Увидел любого встречного – можешь с чистой совестью его убить и ограбить, и никто тебе слова поперек не скажет. Но если ты вдруг еще не заметил – таких, как мы с тобой, здесь очень мало. Точнее говоря, кроме нас, здесь больше нет парней из двадцатого и двадцать первого веков. Так же как нет нормального огнестрельного оружия, которое они могли бы с собой сюда прихватить. А это создает для тебя и для меня ряд серьезных проблем. Ведь рыцари из нас с тобой, мягко говоря, дерьмовые. И отстреливаться от здешних врагов нам приходится из всякой музейной рухляди. – Он презрительно поглядел на свой мушкетон. – Однако, если я и ты станем отстреливаться вместе, это по-любому будет круче, нежели драться поодиночке. Тем более что отсюда есть всего-навсего один выход, и нам с тобой идти к нему одной и той же дорогой… Если, конечно, ты не возражаешь разгуливать в компании с мертвецом.

– Я сегодня встречал людей, которые должны быть мертвы уже не одну сотню лет. Но выглядели они под стать тебе, вполне живыми и здоровыми, – заметил Кальтер, довольный тем, что враг мыслит здраво и не торопится выставлять ему счет за старые обиды. – Однако откуда тебе известно, что я тоже не мертвец? Даже я, признаться, теперь в этом не до конца уверен.

– Ты удивился, когда меня увидел. И спросил, как меня сюда занесло с того света, – пояснил Сквозняк. – Если бы ты умер перед тем, как сюда угодил, ты не задавал бы таких вопросов.

– Резонно, – согласился Кальтер. – Но ведь я мог умереть, не успев понять, что в следующий миг буду мертв. К примеру, наступив на мину или получив снайперскую пулю в голову.

– Как я понял, тут собраны не только «бывшие трупы», но и те, кто угодил сюда еще при жизни, – признался воскресший мертвец. – Возможно, что вам, «живчикам», оставалось

жить в своих мирах совсем недолго: минута, час или день. Вот «серые» и не стали дожидаться вашей гибели, а забрали вас досрочно, раз вы и так были обречены вскоре издохнуть.

Куприянов прикинул в уме: да, и в тюрьме, и после побега из нее он действительно мог погибнуть практически в любой момент. Поэтому такое предположение Сквозняка звучало вполне разумно.

– Ну так что, я могу опустить пушку или ты все еще мне не доверяешь? – спросил тот.

– Кто ты такой, чтобы я вдруг начал ни с того ни с сего тебе доверять? – не стал ходить вокруг да около Кальтер. – Однако, вздумай ты меня убить, разве стал бы, держа меня на мушке, рассказывать мне о здешних порядках? Если хочешь, давай считать, что мы заключили перемирие, а дальше будет видно.

– И надолго мы его заключили?

– Думаю, пока у одного из нас снова не появится веский повод вышибить другому мозги. Хотя не знаю, как ты, но я после твоей гибели перестал держать на тебя зло. К тому же после Дубая у нас с Грязным Иродом была еще одна война – в российском Скважинске. Где мы с ним, хочешь верь, хочешь не верь, тоже в итоге заключили перемирие и объединились в борьбе с общим врагом.

– Звучит невероятно, хотя… – Сквозняк пожал плечами. – Хотя, зная практичную натуру полковника Грязнова, я бы не удивился, если бы он однажды привлек тебя на свою сторону… Как много, оказывается, я пропустил! По твоей вине, между прочим. Ну ладно, уболтал: пусть будет перемирие… Значит, по рукам?

И он, опустив мушкетон, протянул Кальтеру руку. Кальтер, немного поколебавшись, пожал ее, пусть даже для него сей ритуал ничего не значил. Но раз новый напарник видел в этом какой-то смысл, почему бы его не уважить? От Кальтера не убудет, а Сквозняку, надо полагать, приятно… если, конечно, воскресшие трупы могут вообще что-то чувствовать…

Глава 8

Спустя четверть часа они оба, уйдя от небезопасного, по словам Сквозняка, лагеря, сидели в укромном месте на берегу реки и перекусывали. Не без пользы дела, разумеется. У обоих имелась друг к другу масса вопросов, прояснить которые было желательно чем скорее, тем лучше.

Кальтер не видел причин лгать Сквозняку, которого на самом деле звали Сергеем, или Серегой. И который был на шестнадцать лет младше своего бывшего палача. Почти на все его вопросы он ответил правдиво, разве что не вдавался в подробности там, где это не требовалось. В итоге Сквозняк узнал обо всех похождениях Кальтера после дубайской Игры, вплоть до того момента, как он схлестнулся с амазонками; финал этой схватки его новый напарник издали уже видел.

Лишь на один вопрос Серега получил лживый ответ. Спросив, не в курсе ли Кальтер, что стало с его подругой, австрийской наемницей-авантюристкой Зельмой Дорф, Сквозняк услышал, что тот ничего не знает о ее судьбе. Куда она направилась из Дубая, когда тамошняя Игра завершилась, он якобы у Ирода не спрашивал, но в Скважинске Зельмы в отряде Грязнова уже не было. Кальтер не мог не соврать, ведь на самом деле это он и его приемная дочь прикончили фройляйн Дорф, сбросив ее с балкона отеля «Атлантис». Но ее смерть тоже была заслуженной, так же как смерть самого Сереги. В Дубае они вели с Куприяновым непримиримую войну, и он не мог поступить со своими врагами как-то иначе.

Возможно, сегодня Сквозняк воспринял бы горькую правду о Зельме без горячности и не разорвал бы по этому поводу перемирие с Кальтером. Но Кальтер не знал, насколько в действительности была дорога Сквозняку его подруга. И предпочел не рисковать, ограничившись самой простой и потому самой правдоподобной ложью.

Напарник и впрямь не нашел, к чему в ней придраться, и просто принял информацию к сведению. Да, отсутствие новостей о Зельме его тоже разочаровало. Но явно не так, как разочаровала бы скрытая Куприяновым истина…

– …А как хочешь, так его и называй, – отмахнулся Сквозняк, когда Кальтер спросил, как называется место, где они теперь находятся. – Хоть Чистилищем, хоть Дуатом, хоть Валгаллой, хоть Геенной, хоть любым из кругов ада… Спроси любого из ублюдков, кто прожил здесь с месяц-другой, что он думает по этому поводу. И каждый из них выложит тебе свою теорию того, что он тут видит.

– Месяц? – Кальтер обратил внимание на деталь, показавшуюся ему любопытной. – Значит, у вас есть привычная смена дня и ночи, месяцев и времен года?

– Ну да, есть, – подтвердил Серега. – Мы где-то на матушке Земле, это очевидно. Я подслушал много разговоров – тех, разумеется, которые смог понять. Так вот, британцы с немцами утверждают, будто шотландские горцы, на которых можно здесь наткнуться, – единственные, кто твердо убежден, что это – их родина. Говорят, что здешние места кое-кому из них даже знакомы. Называют северное побережье Хайленда, и лично я склонен им поверить, пусть даже никогда там не бывал… С другой стороны, я ведь только британцев да немцев тут более-менее понимаю. Французов и испанцев – значительно хуже, а про остальных и говорить не приходится.

– Однако не все с этим Хайлендом так просто, раз даже горцы не могут отсюда выбраться, верно?

– Непросто – это еще мягко сказано. Да ты и сам в этом убедишься, когда увидишь, что за циклопическая хрень выросла вон там прямо из недр гор. – Сквозняк указал в сторону южного края долины. Туда, где на скрытых в туманной хмари горных склонах Кальтеру продолжали мерещиться странные геометрические линии. – Знаешь, что такое мегалиты? Ну,

типа египетские пирамиды, Стоунхендж, языческие храмы, некрополи и прочие допотопные постройки из гигантских глыб?

Кальтер хмыкнул: кто же про них не знает! Особенно про пирамиды.

– Так вот, все доселе известные нам мегалиты – букашки по сравнению с тем, который вырос в здешних горах. Это не пирамида и не храм, это… можно сказать, замок величиной с целый город и высотой с те же горы. Кто его построил и как он вдруг вылупился из-под земли, никому неведомо, поэтому я его так и прозвал – Мегалит. И чтобы отсюда вырваться, надо через него пройти – по крайней мере, в этом здесь никто не сомневается. А чтобы через него пройти, надо сначала в него войти. Что очень и очень непросто, даже если у тебя есть ключи от его ворот.

– А что насчет моря? – спросил Куприянов, поглядев туда, куда текла река. – Зачем лезть в горы и в какой-то замок, если их можно обойти вдоль побережья?

– Гиблое дело, – помотал головой Серега. – Многие пытались, да все без толку. На западе и востоке горы начинаются прямо от линии моря. И берега там слишком отвесные, все равно что стены. Были умники, которые пытались соорудить плоты и уплыть. Но не проходило и часа – обломки тех плотов вместе с разодранными на части трупами выносило обратно на берег. Неизвестно, что их убило, но я сам слышал, как море иногда стонет – вдруг ни с того ни с сего из тумана раздается протяжный звук, от которого кровь леденеет в жилах. Он похож на судовую сирену, только гораздо ниже… Теперь ты понимаешь, почему я сразу поверил в твою историю про чудовище, что сожрало твою лодку.

Кальтер молча кивнул. Воспоминание о гигантской пасти, перекусившей пополам двенадцатиметровый катер, было еще слишком свежо. Отчего по коже едва не съеденного той пастью Кальтера пробежали мурашки, когда он вновь представил, что было бы, плыви он не на бронированной, а на обычной гражданской посудине.

– Ну ладно, будем считать, что пути назад у нас нет, – заключил он. – Хотя это и так очевидно… А что нам мешает войти в город-крепость?

– Не что, а кто, – поправил его Сквозняк. – Те двуногие твари, у которых нет ключей. И которые хотят въехать в рай на чужом горбу – то есть отобрать ключи у того, у кого они есть. И таких стервятников там – десятки. Войти в Мегалит в одиночку обычным путем нет ни единого шанса. Да и вдвоем маловероятно. Стоит лишь тебе ступить на ведущую к воротам лестницу, как на тебя накинется толпа отборных головорезов. Сначала они отнимут у тебя ключи, а затем начнут драться между собой за право ими владеть. Но ты этого не увидишь, потому что к тому моменту будешь уже лежать разрубленным на куски.

– Ключи – это пакали? – попросил уточнения Кальтер, хотя ответ на этот вопрос был и так очевиден.

– Да, верно. Чтобы открыть вход в Мегалит, необходимы три пакаля. Не имеет значения какие. Все, что нам надо, – это вставить их в специальные выемки, подобно ключ-картам, и ворота раздвигаются. Совсем ненадолго и нешироко – только чтобы ты успел войти. Но обычно внутрь проскакивают за раз несколько человек. Так случается, потому что, когда кому-то удается открыть проход, возле него всегда кипит бойня. И в ворота сразу же устремляется толпа мерзавцев. Поэтому нет никакой гарантии, что тот, кто их открыл, сам попадет в Мегалит. Его могут или прикончить на пороге, или просто затоптать, что фактически одно и то же.

– Ты сказал, что у тебя есть три пакаля, – напомнил Кальтер о том, о чем Серега уже обмолвился по дороге сюда. – Значит, теоретически ты можешь войти в Мегалит хоть сейчас. А ты не пробовал проделать это тем же способом, с помощью которого вы с Иродом в Дубае телепортировались с места на место? С двумя у меня недавно такой фокус не прошел, но с тремя, вероятно, он вполне может выгореть.

– Такая мысль приходила мне в голову, но я не стал рисковать. – Серега сунул руку в свой вещмешок, извлек на свет обернутые тряпицами артефакты и разложил их перед Куприяновым в порядке возрастания их ценности – золотой, черный и зеркальный. – Во-первых, с таким раскладом я в Дубае не экспериментировал и понятия не имею, чем это может обернуться. А во-вторых, «серые» наверняка готовы к тому, что кто-то может попытаться так сделать, и приготовили в Мегалите для таких хитрецов ловушку.

– «Каменный мост»! – Кальтер дотронулся пальцем до зеркального пакаля, на котором был изображен старинный арочный мост. – Откуда он у тебя?

– Снял со щита одного госпитальера, – ответил Сквозняк. – Охотники за ключами благородных кровей добывают их только таким способом: крепят себе на щит пакаль и рыщут по округе, выискивая желающего скрестить с ними копья и мечи. Но если желающих не находится, а подраться невтерпеж, то они бросаются на каждого встречного. Тот госпитальер был смелым мужиком, кто бы спорил. Но он еще не знал, что глупо переть с мечом против мушкетона. За что и пострадал… Погоди-ка, я вижу, мой «мост», кажется, тебе знаком!

– Так и есть, – подтвердил Кальтер. – Я нашел его в Скважинске. С помощью этого артефакта мы с Грязным Иродом восстановили из обломков старинный каменный мост и заманили таким образом в ловушку чудовище, на которое охотились. Когда я провалился в черный разлом, «мост» и еще один зеркальный пакаль остались у Грязнова. Но вот как эта штука попала сюда, ума не приложу. Хотя не удивлюсь, если сам Ирод вдруг тоже окажется здесь.

На золотом пакале Сквозняка была изображена одетая в монашеский балахон фигура, держащая большой крест, а на черном – извергающийся вулкан. Эти символы Куприянову уже ни о чем не говорили. Но он не исключал, что в них также может быть скрыта подсказка, касающаяся характера аномальных свойств этих пакалей. Каких именно свойств, можно было лишь догадываться, но с пакалем-«вулканом» Кальтер на месте Сереги тоже соблюдал бы максимальную осторожность. Равно как с золотым «крестоносцем». Если даже пакаль с безобидным рисунком молота и наковальни являл собой на Татакото весьма грозное оружие, да и сейчас пугал Кальтера, светясь и источая жар, то на что могут быть способны пакали с откровенно агрессивными символами?

В качестве жеста вежливости Кальтер выложил на обозрение свои артефакты. «Молот» был Сквозняку не знаком, но «железную перчатку с кинжалом» он также знал, поскольку имел с ней дело в Дубае. Раскрыв карты, бывшие враги уставились на свою общую коллекцию трофеев, понятия не имея, что с ней делать. Вернее, что делать с ней, они знали. Но донести пакали до ворот Мегалита, выжить в бойне и проскочить в эти самые ворота казалось им сейчас совершенно невыполнимой задачей.

– Нам не хватает одного пакаля. – Кальтер первым нарушил возникшее молчание.

– В смысле? – Серега недоуменно посмотрел на созерцающего пакальное разноцветье напарника. – Что значит «не хватает»? А по мне, расклад самый что ни на есть полный. Сам глянь: желтый, белый, красный, черный и зеркальный. Других цветов в этой проклятой «радуге», насколько я знаю, не бывает.

– Я вовсе не это имел в виду, – возразил Куприянов. – Нам нужен не один, а два комплекта ключей, чтобы пробиться в Мегалит через главные ворота, раз уж в нем нет ни окон, ни балконов, ни вентиляционных отдушин. Это значит, нам осталось раздобыть всего-навсего один пакаль. А также свежий труп, который не вызовет ни у кого подозрений. Не ручаюсь, что моя идея сработает. Но если все происходит так, как ты сказал, боюсь, иного безопасного способа преодолеть эту преграду не существует.

– Дефицита трупов здесь точно нет, – усмехнулся Серега. – Ни свежих, ни тех, которые уже с душком, хотя последние, разумеется, попадаются чаще. Насчет пакаля, боюсь, все сложнее. Они здесь есть далеко не у каждого. И далеко не каждый, у кого они есть, выстав-

ляет их напоказ, украшая ими свой щит. Так что придется или охотиться за ними наугад, или хм…

Он осекся и неуверенно покачал головой.

– Или – что? – поторопил его с раздумьями Кальтер.

– Или мы бросим вызов какой-нибудь банде, – с явной неохотой договорил Серега. – И чем она будет отмороженней, тем выше шансы, что у нее найдутся пакали. В этом краю награды достаются либо самым сильным и дерзким, либо самым умным и хитрым. Но к последним нам так просто не подобраться, а вот первые могут сами к тебе нагрянуть. Особенно если им покажется, что у тебя в карманах лежит что-то интересное.

– Насколько крупные эти банды?

– По-настоящему крупных среди них нет. Слишком разношерстная здесь шляется публика, чтобы из нее могла организоваться армия. Тот же французский мушкетер может при сильном желании найти общий язык с испанским конкистадором, а спартанец – с персом из армии Ксеркса. Но чтобы перс объединился с мушкетером, а конкистадор – со спартанцем, такое исключено. Разница менталитетов – она куда сильнее, чем разница языков. Поэтому банд численностью более пяти-шести человек здесь практически нет. Да и в тех, что есть, может в любой момент вспыхнуть раздор. Особенно у ворот Мегалита, где каждый фактически начинает биться сам за себя.

– Конкистадоры и мушкетеры исключены. Если нападать на банду, то только на самую дремучую и суеверную из тех, у которых гарантированно имеются пакали. Есть у тебя на примете какие-нибудь идолопоклонники?

– Да близ ворот какой только сброд не ошивается! – всплеснул руками Сквозняк. – Но ты угадал: знаю я одну компашку не то сарматов, не то скифов; черт их разберет, кто они такие – вроде не монголы, но и на славян не похожи… Короче говоря, поцапался я с ними примерно месяц назад. К счастью, удачно отделался, даже одного прикончил и одежонку вот эту с него снял… – Серега стряхнул с плеча своей меховой жилетки воображаемую соринку. – Пятеро их было, этих отморозков. И если к ним с тех пор не прибился новенький, то сейчас они свою добычу на четверых делят. А может, на троих или двоих. Или их вообще в живых не осталось. Но когда я их в последний раз видел, один пакаль у них совершенно точно был. Даже знаю, какой масти: желтой. Когда я случайно на них нарвался, они как раз непонятный ритуал с ним проводили: поливали его кровью убитого пленника и над огнем держали.

– Превосходно! – заключил Кальтер. – Эти славные ребята мне уже нравятся. Вот ими в первую очередь и займемся… Как долго здесь длятся ночи?

– В это время года – часов по десять. Так что часа через три уже темнеть начнет. Однако по ночам лично я предпочитаю сидеть в укрытии, уж не сочти меня трусом. Просто слишком много двуногого зверья выползает в темноте на охоту. Жуткие твари, поверь на слово. Могут подкрасться сзади так, что ни одна травинка не шевельнется. Однажды я даже с настоящим ниндзя в потемках столкнулся. Хорошо, что ему не до меня было, а иначе даже не знаю, сидел бы я тут сейчас с тобой или мой труп уже догнивал в каких-нибудь кустах. Ты, конечно, у нас тоже известный специалист в вопросах ночных прогулок. И все же я не советовал бы тебе соревноваться со здешними хищниками, проверяя, у кого из вас острее чутье и клыки.

– Поживем – увидим, – уклончиво ответил Куприянов, у которого наконец-то сложилась в голове примерная картина этого мира. – Одно только мне неясно: как тебе удалось так быстро меня отыскать? Сколько сегодня в долине обитает народу? Тысяча человек? Две тысячи? И тем не менее, надо же какое счастливое совпадение: уже четвертый встреченный мной человек оказывается именно тобой, а не скифом, сарматом или семитом.

– При чем тут совпадение? – пожал плечами Сквозняк. – Сегодня ночью я увидел во сне берег моря и лежащую на нем твою железную руку. Поэтому как проснулся с утра, так

и отправился на побережье. Ну а то, что ты не пройдешь мимо римского лагеря, было уже совершенно очевидно.

– Вот оно что! И как давно ты начал верить в вещие сны? – удивился Куприянов.

– С тех пор как воскрес, – признался напарник без тени улыбки на лице. – А ты на моем месте разве не поверил бы в столь очевидный намек «серых»?

– Честно говоря, не знаю, – признался Кальтер. – Возможно, и поверил бы. Хотя мне «серые» еще ни разу не транслировали такие пророческие сны. Возможно, это и к лучшему. У меня от их намеков и полунамеков и наяву голова кругом идет. А если бы они мне вдобавок сон портили, боюсь, я и вовсе рехнулся бы…

Глава 9

По мере того как напарники продвигались в сторону Мегалита, тот вырастал им навстречу из тумана во всей своей мрачной красе… Если, конечно, можно назвать красивым сооружение, создатель которого, похоже, совершенно не заботился о том, чтобы придать своему детищу хоть какой-то эстетический вид.

Кальтер знал, что в Шотландии – если, конечно, это была она – полным-полно всяческих замков и других средневековых построек. Но на фоне этого исполина все они выглядели бы словно скворечники, которые можно было бы брать и вешать на его стены и башни. Истинная высота последних до сих пор являлась загадкой даже для Сквозняка, который уверял, что прожил у их подножия не менее полугода. По его словам, ясной погоды здесь никогда не бывало. И потому вершины Мегалита постоянно скрывались в застившей небеса, хмурой непроглядной пелене.

Но даже в «урезанном» виде он производил неизгладимое впечатление, а при его долгом созерцании начинала кружиться голова. Кальтер мог лишь догадываться, что испытывают при этом другие обитатели долины. Особенно те, которые были заброшены сюда из глубокой древности или из диких мест. В отличие от человека, родившегося в двадцатом веке, эти дикари не видели современных небоскребов, плотин, мостов и иных гигантских сооружений, что могли бы показаться им творением богов, но никак не людей. Воины, заброшенные сюда из времени, когда человечество уже научилось возводить величественные дворцы и храмы, наверняка не впадали рядом с Мегалитом в благоговейный трепет. Но и они вряд ли сомневались, что его мог построить кто-то иной, кроме богов.

Лишь Сквозняк и Кальтер сошлись во мнении, что боги тут явно ни при чем. Зачем вообще богам сдалась крыша над головой и неприступные стены? Кого они могли бояться и от кого прятались?.. Нет, этот комплекс циклопических построек соорудили не боги, а смертные существа из плоти и крови. Например, «серые», ведь они так или иначе причастны к появлению здесь сего архитектурного чуда. А также остальных чудес, которых в этой аномальной зоне тоже хоть отбавляй.

А вот уборкой «грязи», без которой не обошлось перемещение сюда Мегалита, «серые» уже не озадачивались. И обломки развороченной горы, на месте которой возвышался теперь город-крепость, раскатились в беспорядке по всему краю долины, устлав собою подступы к Мегалиту.

Беспорядок тот, надо заметить, получился довольно живописным. Нагромождение глыб и целых скал породило внушительный лабиринт, который должны были преодолеть все желающие добраться до крепостных ворот. Хотя сегодня это уже не являлось серьезной проблемой – время первопроходцев тут давно миновало. Придерживаясь любой из множества натоптанных в лабиринте троп, путник мог достичь цели всего за час-полтора. Само собой, при удачном стечении обстоятельств. В действительности же он рисковал нарваться на одну или даже на несколько обитающих в лабиринте банд. И мог расстаться не только со своими пакалями, но и с прочим добром, включая еду и одежду.

Сквозняку доводилось видеть, как некоторым матерым воинам порой удавалось разделаться в одиночку с целой бандой. Но для любого счастливчика везение так или иначе заканчивалось, когда он ступал на ведущую к крепостным воротам высокую лестницу. Если тропы еще могли остаться без надзора, то за лестницей круглосуточно наблюдало не менее дюжины банд. И все они при виде новичков бросались к ним вовсе не с дружескими объятьями, а с обнаженными клинками.

Тот факт, что Серега еще жив, а также не бегает по долине голым и босым, свидетельствовал о том, что он знал безопасные маршруты хождения по лабиринту. И Кальтер уже

догадывался, что это будет за путешествие. Сквозняк был заправским верхолазом. В отряде Грязного Ирода он всегда выполнял обязанности дозорного, взбираясь на крыши зданий и прочие высотные объекты. Разумеется, что по скалам он тоже карабкался превосходно. И мог зачастую проскочить по их верхушкам напрямик там, где идущим по земле врагам приходилось огибать множество преград.

Кальтер едва поспевал за напарником, даром что тот был одноглаз и вообще представлял собой воскресшего мертвеца. Впрочем, Сквозняк учитывал это обстоятельство. И потому двигался в щадящем режиме, давая напарнику поблажку. Время от времени они останавливались и, укрывшись за камнями, прислушивались, нет ли поблизости угрозы, но так ее и не обнаружили. Похоже, ближе к ночи все рыскающие по лабиринту головорезы разбрелись по своим лагерям, опасаясь, подобно Сквозняку, стать жертвами местных ночных хищников.

Над скальным лабиринтом то здесь, то там виднелись дымки костров, указывающие на места вражеских стоянок. Непримиримые враги Кальтера и Сквозняка и одновременно их собратья по несчастью готовили себе скудный ужин. Со жратвой дела в долине обстояли ни шатко ни валко. Хлеб и соль находились в большом дефиците и могли быть обнаружены лишь у новичков. Зато мяса пока хватало всем. В полях летали куропатки, а в реке водилась рыба. Зайцев, косуль и лис к сегодняшнему дню почти всех перебили, ведь их популяции в отрезанной от мира долине не пополнялись. Зато крылатой и речной фауны это не касалось. Она проникала сюда из-за гор в большом количестве по воздуху и по каскаду водопадов там, где река стекала с гор в долину. Прилет птиц вроде бы косвенно указывал на то, что в окрестностях Мегалита нет черной аномалии, от которой они, наоборот, давно разлетелись бы прочь все до единой. Хотя по большому счету это еще ничего не значило. Раз уж «серые» при желании меняли игровые правила для людей, то с тем же успехом они могли изменить и поведение птиц.

Летом Сквозняк часто разнообразил свою пищу диким луком, щавелем, крапивой, грибами и ягодами, но теперь для них был не сезон. Хотя сегодня у него выдался маленький пир – Кальтер угостил его трофейным рыцарским пайком. Где имелись прямо-таки немыслимые по здешним меркам деликатесы: черствый ржаной хлеб, заскорузлый сыр, соль и печеное яблоко, которое напарники разделили между собой по-братски.

Как Серега и сказал, темнота наступила примерно через три часа. Однако сегодня он отступил от своего правила, которое предписывало ему пережидать здешние ночи, укрывшись в какой-нибудь норе. Виноват в этом был, естественно, Кальтер. Который не стал откладывать на потом охоту за недостающим пакалем и уговорил напарника устроить ее этой же ночью.

Стоянка сарматов (или скифов – Куприянов тем более не отличал одних бородатых носителей шкур от других) осталась на прежнем месте – там, где Сквозняк когда-то на нее и наткнулся. Одноглазый и однорукий калеки рискнули подползти к ней лишь после наступления темноты и с подветренной стороны. По словам Сереги, эти парни обладали животным чутьем и могли насторожиться, учуяв незнакомый запах. Впрочем, Кальтер и Сквозняк тоже успели в свое время поползать на брюхе по вражеским тылам. И потому смогли в итоге подкрасться к сарматскому лагерю так, что его хозяева и ухом не повели.

– Так и есть – четверо, – заметил Куприянов, осмотрев из кустов полянку. На ней горел тусклый костерок, вокруг которого расположились четыре угрюмых длиннобородых типа. На ужин у них сегодня были зажаренные на веточках грибы – очевидно, сушеные, из летних запасов, потому что сегодня такую пищу в долине не найти. Мечи и луки сарматов лежали у них под рукой, а копья стояли в сторонке прислоненными к скале.

– Все равно не нравится мне твой план, старик, – вновь напомнил Сквозняк Кальтеру о том, о чем говорил ему по дороге. – Эти ребята вовсе не такие тупые, какими кажутся. Тупые, если ты вдруг еще не понял, здесь вообще долго не живут.

– Вот давай и выясним, на чьей стороне истина: на стороне цивилизованного человека или вшивого дикаря. – Кальтер и не думал отказываться от своих кровожадных замыслов. – Ну так ты готов работать или дать тебе еще время побрюзжать?

– Всегда готов, мать твою, – проворчал Серега, видимо, уже жалея, что натолкнул напарника на эту идею.

– Тогда выползай на позицию. Через десять минут начинаем…

Спустя указанное время лагерь сарматов пришел в оживление. И вовсе не беспричинное. Любого обитателя долины, а не только дикарей встревожил бы внезапно загоревшийся в ночи загадочный источник света. Принять его за свет факела или углей от костра было нельзя. Он горел слишком ровно, и его багровое сияние вовсе не напоминало огненное. Скорее оно походило на горящий стоп-сигнал автомобиля, правда, дикарям такое сравнение не могло бы прийти на ум.

Неизвестно, о чем они в этот момент подумали. Но все четверо отреагировали на вероятную угрозу быстро и без лишней суеты. Все тут же отбросили палочки с нанизанными на них грибами, похватали оружие и отскочили от костра, а один из сарматов набросил на угли загодя припасенный кусок дерна. Да, эти вояки знают, что почем. Огонь в ночи изрядно притупляет зрение и мешает рассмотреть находящегося во мраке врага, в то время как он отлично видит на свету свои цели. Поэтому первое, что сделали сарматы, – это уравняли свои шансы с врагом. И, тоже скрывшись в темноте, не позволили ему застать себя врасплох.

Однако время шло, а на лагерь так никто и не нападал. Но и багровый свет в ночи не гас. Его источник оставался на прежнем месте, никуда не перемещаясь и не воспламеняя сухую траву у подножия скал. Подозрительные звуки поблизости тоже не раздавались. И вообще, кроме появления странного огонька, в округе не наблюдалось никаких перемен.

Прошло не менее четверти часа, прежде чем хозяева лагеря исполнились решимости и стали обсуждать друг с другом удивительное ночное явление. Их речь была груба, немногословна и бедна на интонации, но в целом ее смысл не представлял особой загадки. Они не желали возобновлять ужин, не выяснив, что же их напугало и продолжало пугать, хотя и не так сильно, как поначалу.

Двое сарматов засунули за пояса мечи, взяли наперевес копья и двинулись к невысокой скале, с вершины которой исходил неведомый свет. Их приятели крались позади них с луками наготове, озираясь в поисках затаившейся угрозы, о которой они ни на миг не забывали. В таком порядке все четверо и достигли скалы, где столкнулись с новым затруднением. Разглядеть снизу источник света было невозможно. Чтобы добраться до него, кому-то предстояло вскарабкаться наверх, что являло собой трудную задачу. Свечение было слишком слабым и не могло осветить скалолазу путь, а зажигать огонь сарматы все еще опасались.

После недолгого замешательства среди них все же нашелся смельчак, отважившийся преодолеть крутой склон высотой в полудюжину метров. Отставив копье, он взял в зубы нож и пополз к вершине, цепляясь за выступы. Получалось это у него не слишком проворно, но кое-какой опыт в этом деле он имел. И, подбадриваемый снизу приятелями, приближался к цели хоть и медленно, но уверенно.

Теоретически дикари могли сбить пакаль выстрелом из лука, но Кальтер все рассчитал правильно. Суеверные люди никогда так не поступят из-за боязни прогневить незнакомые им силы. Равно как не могли они проигнорировать загадочные явления и знаки – а вдруг боги или духи сочтут их невнимание к себе неуважительным и опять-таки прогневаются? Сарматы считали своим долгом разузнать правду как можно осторожней и деликатней во избежание нечаянного конфликта с потусторонними силами. А если правда так и останется

тайной, значит, им предстояло срочно провести ритуал задабривания собственных богов – на всякий случай, для перестраховки. И только после этого возвращаться к прерванным делам.

Сквозняк доставил пакаль на вершину скалы без особых затруднений. И, выставив его так, чтобы он был виден из сарматского лагеря, затаился рядом с ним в ожидании дальнейшего развития событий. Для Кальтера места на той скале уже не нашлось, но он туда и не стремился. В его задачу входило оказаться у врага в тылу с Серегиным мушкетоном и в урочное время открыть огонь.

Не сказать, что такая диспозиция была удачной. Но с учетом посеянного среди противников страха у напарников был шанс разыграть схватку по своему сценарию. Что вряд ли им удалось бы, нападни они на сарматов, когда те ужинали. Подкрасться к лагерю совсем близко у них не вышло бы. А стреляя издали, они рисковали промахнуться – особенно Кальтер со своим луком – и очутиться вдвоем против четверых головорезов с копьями и мечами. И лишь заманив их хитростью в засаду и разобщив, Куприянов и Серега могли отыграть у них преимущество и разгромить эту шайку ценой наименьших усилий. И, как хотелось надеяться, без потерь со своей стороны.

Какого-то особого сигнала для атаки у напарников не было. Сквозняку предстояло ее начать, а Кальтеру – продолжить. Вот и все. Первый Серегин удар и должен был послужить отмашкой к действию. А уж Кальтер не проворонит этот удар даже с закрытыми глазами, поскольку без шума здесь не обойдется.

Едва голова сармата показалась над верхним краем склона, как Сквозняк схватил пакаль и бросил его вниз – к ногам приятелей скалолаза. Тот, естественно, заметил вскочившую перед ним фигуру, но это уже не имело для Сереги значения. Не успел еще скалолаз заорать и поднять тревогу, как его голова была разрублена напополам абордажным тесаком, который Сквозняк держал наготове.

Мертвец упал сразу же вслед за пакалем, и топчущиеся на земле сарматы шарахнулись в испуге от подножия скалы. А затем шарахнулись влево, потому что справа от них сверкнула вспышка и грянул гром. После чего один из лучников был отброшен назад и распластался навзничь, а другой выронил лук и, упав на колени, заорал от боли.

Мушкетон не подвел. Кальтер старался, чтобы сноп картечи накрыл всех троих противников. Однако в итоге перед ним оказались один мертвый, один раненый и один вполне боеспособный вояка. Последний явно не пострадал, но был дезориентирован разразившейся вакханалией. Когда Куприянов отбросил разряженную пушку, этот сармат все еще стоял, выставив перед собой копье, и пытался понять, что происходит. И лежащий рядом с ним жуткий светящийся пакаль уж точно не вносил в его мысли ясность.

Надо отдать ему должное, колебался он недолго. Завидев в кустах шевеление, сармат тут же отринул сомнения и, издав воинственный клич, замахнулся копьем. С такого расстояния он ни за что не промахнулся бы. И не отпрыгни Кальтер в сторону, враг точно пригвоздил бы его к земле.

Впрочем, Кальтер мог бы и не отпрыгивать. За миг до броска в голову копьеметателя врезался упавший сверху тяжелый камень. Отчего брошенное им копье улетело совсем недалеко и воткнулось в землю на большом расстоянии от Куприянова. А сармат где стоял, там и рухнул на подкосившихся ногах с размозженным черепом, присоединившись к двум трупам, что уже лежали у подножия скалы.

Камень тот, разумеется, не откололся случайно от склона в удачный для Кальтера момент, а был прицельно брошен сверху Сквозняком. Который хотел таким же способом прикончить и последнего оставшегося в живых врага – того, что был ранен из мушкетона в руку. Только на сей раз глазомер подвел Серегу, и его снаряд ударился в землю в шаге от цели. Это заставило сармата вмиг забыть о боли, вскочить с колен и выхватить здоровой рукой из-за пояса меч. Дикарь взревел, не собираясь сдаваться без боя. Но его рев почти

сразу перешел в новый крик боли, когда вылетевшая из кустов стрела вонзилась ему аккурат в задетое картечью плечо.

Кальтер не желал сходиться врукопашную с опытным воином, пока мог стрелять по врагу с безопасной дистанции. А раненый сармат впал в раж и стал еще опаснее. Поэтому Куприянов, отбросив мушкет, быстро сменил позицию и вооружился луком, который он вместе со стрелами также держал наготове.

Сделанный впопыхах первый выстрел оказался не слишком точным, но и напрасным тоже не был. Ранив врага повторно в одну и ту же конечность, Кальтер не вывел его из строя, но придержал на месте. Ненадолго. Ровно настолько, чтобы наложить на тетиву вторую стрелу, натянуть лук и выстрелить тогда, когда сармат снова бросился в атаку. Дабы торчащая у него из плеча стрела ему не мешала, он обломал ее, оставив в ране наконечник. Что не отразилось на его боеспособности, поскольку он, кажется, хорошо владел мечом обеими руками.

Второй выстрел из лука Кальтер сделал, когда между ним и противником оставалось не более пяти шагов. Свирепость, с которой сармат несся прямо на него, чуть было не вынудила его дрогнуть и отскочить в сторону. Но он не поддался малодушному порыву и, наскоро прицелившись, всадил во врага еще одну стрелу.

Риск полностью оправдался – эта стрела угодила сармату точно в горло. Правда, Куприянову все равно пришлось отпрыгнуть, а иначе разогнавшийся дикарь врезался бы в него по инерции и задел его мечом. А так сармат промчался мимо и рубанул находящийся позади Кальтера валун. После чего споткнулся и, схватившись за пронзенное горло, повалился на этот же камень. Где и остался лежать, хрипя и дергаясь в предсмертных конвульсиях…

– Тебе был нужен свежий труп? – поинтересовался Серега у напарника, когда спустился со скалы и банда калек вновь воссоединилась. – Тебе повезло – выбирай любой! Сам убедись: ассортимент не хуже, чем в лучших моргах какого-нибудь Гарлема.

И он обвел рукой поле отгремевшей битвы.

– Мне нужен мертвец, который не вызовет ни у кого подозрений, – напомнил Кальтер, возвращая товарищу мушкетон. – Найдется здесь такой?

– Шутить изволишь? – хохотнул Сквозняк. – Да тут все до единого жмурики вне всяких подозрений. Да и откуда другим-то взяться? Причины их смерти для наших краев вполне естественны, ведь без посторонней помощи здесь давно никто не умирает.

– Ну раз так, тогда давай упакуем того, что с целой головой. – Куприянов указал на сармата, которого он подстрелил из лука. У прочих головы хоть и остались на плечах, но назвать их в таком плачевном виде головами было уже сложно.

– Как скажешь, – пожал плечами Серега. – Только надо пошевеливаться, а не то скоро сюда нагрянут стервятники, которых в округе тоже хватает. Пойду поищу в манатках этой компании пакаль, пока кто-то другой не сделал это вместо нас. И хорошо, чтобы он там нашелся. А то было бы досадно перебить столько народу только из-за горстки сушеных грибов…

Глава 10

– Куда деваются пакали-ключи после того, как с их помощью вход в Мегалит открыт? – спросил Кальтер, унося со Сквозняком трофейный артефакт и труп подальше от сарматского лагеря, в ближайшее известное Сереге укромное место. – Эти пакали можно будет забрать с другой стороны ворот или они исчезают бесследно?

– Спроси что-нибудь попроще, старик, – хмыкнул Сквозняк, занятый вырезанием из трупа наконечника от стрелы. – Никто не знает, что становится даже с теми счастливчиками, которые прорываются за ворота, а ты беспокоишься о пакалях.

– Само собой, беспокоюсь, – подтвердил Куприянов. – Думаешь, внутри они нам не понадобятся? А вдруг это такая головоломка? Допустим, что у входящего в Мегалит человека при себе не три пакаля, а больше? Например, шесть, как сейчас у нас. И если три из них возьмут в качестве платы за вход, значит, ему надо выбирать, какими артефактами пожертвовать, а какие приберечь на будущее.

– И что сложного в этой загадке? – удивился Серега. – Решение у нее при любом раскладе одно: отдаются самые дешевые артефакты, а те, что подороже, сохраняются. Все элементарно, и незачем тут что-то мудрить.

– Да вот не скажи, – не согласился Кальтер. – А что, если ценность пожертвованного тобой в воротах пакаля прямо пропорциональна тому, какую поблажку выдадут тебе «серые» для дальнейшей Игры? То есть чем ценнее артефакт, тем большее ты получишь внутри преимущество перед другими игроками. Возможно, тебе дадут наконец-то мощное оружие или карту Мегалита. Или тебя поставят на более выгодную стартовую позицию. Или позволят еще что-нибудь, непозволительное для остальных. Да мало ли какой подарок тебе преподнесут, если ты не пожадничаешь и вовремя разыграешь свои лучшие козыри.

– Мечтать не вредно, – буркнул Сквозняк. – Мы еще слишком далеко от тех долбаных ворот, чтобы говорить на эту тему. Однако, если хочешь метать бисер перед свиньями, отдавай им свой горячий «молот», а мои «мост» и «вулкан» не трогай. Я не для того вырвал их в свое время из вражеских глоток, чтобы потом их так бездарно профукать.

– И в мыслях подобного не было, – успокоил Кальтер напарника. – Как мы и договаривались, на приманку у нас идут «железная перчатка», «крестоносец» и желтый новичок, которого ты назвал…

– «Гиннесс».

– Хм… Но у «Гиннесса» на гербе вроде бы арфа, а эта картинка больше напоминает гусли, ну да ладно… Короче говоря, с этой бело-желтой троицей мы расстаемся. Вполне возможно, что навсегда.

– И хрен с ней, – отмахнулся Сквозняк. – Что толку копить у себя это добро, если за стенами Мегалита от него все равно нет проку?

– Правильно мыслишь, – кивнул Кальтер. – Поэтому сбрасываем балласт самым выгодным для нас способом. А дальше уходим в тень и наслаждаемся представлением. Ровно до тех пор, пока количество действующих лиц на сцене не уменьшится до нужного, а оставшиеся порядком не выдохнутся.

– Звучит складно. Вот только сработает ли на практике?

– Мне приходилось делать вещи, успех которых был гораздо маловероятней, – признался Куприянов. – Так или иначе, но в первой фазе этой операции я не сомневаюсь – она должна пройти как по маслу.

Прыгать по скалам в темноте, да еще с трупом в придачу, было невозможно. И потому напарники отправились к очередной цели обычным способом – по земле, петляя между нагромождениями скал. Благо идти было недалеко – до ближайшей хорошо протоптанной

тропы, что вела к лестнице перед вратами Мегалита. Подходить к самой лестнице нужды не было. Во-первых, даже ночью за ней следила не одна пара зорких глаз. А во-вторых, когда рассветет, кто-то из этих дозорных все равно заметит мертвого сармата. После чего сходит и обыщет свежий труп, как в этих краях заведено. А обыскав, испытает восторг, поскольку за поясом у трупа обнаружатся сразу три пакаля!

Ну а если желающих обыскать его окажется сразу несколько – что, скорее всего, и случится, – то все обернется еще интереснее. Начатая там заваруха рано или поздно перенесется на лестницу и завершится у крепостных ворот. Потому что тот, кто завладеет сразу тремя ключами, не сможет сохранить это в тайне. И ему придется распоряжаться трофеями как можно быстрее, пока их не отняли конкуренты. Или же бросать их и удирать сломя голову, если он решит, что у него нет шансов на успех.

Перед тем как оставить приманку, Кальтер всадил в спину трупу стрелу. Для пущего правдоподобия. А затем, уйдя с тропы, взобрался вместе с напарником на скалу, с вершины которой можно было следить за происходящим. Отныне им больше не требовалось скрываться. С рассветом на окрестных скалах появится много таких наблюдателей-стервятников, уповающих на удачу, но не рискующих ловить ее тем способом, который избрала для этого банда калек.

Тело сармата было напарникам отсюда не видно. Но они видели участок тропы, на котором оно лежало. И потому не могли проморгать момент, когда там начнется оживление. Вероятность, что кто-то подкрадется и незаметно ото всех снимет с приманки артефакты, была незначительной. Если какой-то «хищник» следил за Куприяновым и Серегой после устроенной ими шумихи, он наверняка решил, что двое головорезов волокли раненого в ночной стычке товарища по тропе, а потом им надоело с ним возиться, вот они добили его и бросили. Что на брошенном трупе могли остаться аж три пакаля, «хищнику» вряд ли придет в голову, и он не пойдет это проверять. Чего нельзя сказать о наблюдателях, которые не видели во мраке, как здесь очутился свежий мертвец. И они с рассветом сразу рванут к нему наперегонки, а дальше кому как повезет…

– Эй, просыпайся! Кажется, рыбка клюнула! – сообщил Сквозняк Кальтеру, который в ожидании «поклевки» решил вздремнуть. В отличие от Сереги, который всю предыдущую ночь проспал и даже видел вещий сон, Кальтер не смыкал глаз уже трое суток. И хоть для бывшего шпиона это было вполне привычное, рутинное состояние, все-таки усталость давала о себе знать. Изнурять себя перед очередным испытанием он не хотел. И потому доверил наблюдение за округой напарнику, а сам расстелил плащ, подложил под голову вещмешок и заснул. И проснулся лишь тогда, когда Серега потряс его за плечо.

Кальтер протер глаза, взглянул на часы и увидел, что проспал четыре с лишним часа. Для него этого было достаточно, чтобы восстановить силы, так что его кратковременный отдых, можно сказать, удался на славу. Прямо-таки настоящий королевский подарок во всей этой безостановочной резне и беготне.

– Да, так и есть – рыбка проглотила наживку, – доложил Сквозняк, когда Кальтер вновь к нему присоединился. – Жаль, нельзя разглядеть поближе, что там сейчас творится. Была у меня раньше трофейная подзорная труба, но я ее однажды выронил, и она разбилась о камни. Хреново теперь без нее, честно говоря.

– Ничего, самое важное мы все равно не пропустим, – заверил его Куприянов, вглядываясь в нужном направлении.

На видимом отсюда участке тропы находилась группа людей. Кто они такие, мог бы точно сказать лишь историк. Кальтер предположил, что этих людей в расшитых красных камзолах, белых штанах, париках и треуголках забросило сюда, вероятно, из восемнадцатого века. Судя по характерному цвету их униформы, это были британские пехотинцы, хотя и не факт. Выглядели они, правда, уже изрядно потрепанными, а на половине из них красовались

трофейные накидки из шкур. И тем не менее, прожив здесь достаточно времени, они были все еще живы, а это многое о них говорило.

Полдюжины британцев – Кальтер решил обозвать их так – не двигались по тропе, а топтались на одном месте и что-то обсуждали. Они не показывали пальцами на ворота Мегалита, но слишком уж часто косились на них, чтобы нельзя было понять, о чем они разговаривают. И кого опасаются – это тоже было очевидно, поскольку все остальное время они с опаской озирались по сторонам.

Британцы осознавали, что привлекают к себе внимание и вызывают подозрение у следящих за ними врагов. Но пустая в данный момент лестница и свободный путь до ворот являли собой сильное искушение для обладателей ключей от этих самых ворот. Тем более что их было шестеро и у них имелось оружие для прорыва к этой стратегической точке.

– Эти ребята достаточно осторожны, чтобы не сверкать найденными пакалями на публике, – заметил Сквозняк. – Но они слишком взволнованы своей внезапной находкой и не могут скрыть волнение. Уверен, все окрестные хищники, которые их видят, уже приняли охотничью стойку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.